

КОНСТАНТИН
ФРЕС

НАСЛЕДНИК
ДРАКОНОВ
Время любить

Константин Фрес

Наследник Драконов.

Время любить

<https://litres.ru/74203699>

Аннотация

Замуж за короля?! Нет, только не это! Он жестокий и яростный, и не знает слов любви. Но моя мать во сто раз хуже него. И она пообещала моей младшей сестре Жанне, что король на ней женится. А это значит, что она силой заставит меня заменить сестру на отборе, и полный смертельных опасностей, унижительный отбор невест вместо нее придется пройти мне - или погибнуть... #Эротика #От ненависти до любви #Магия #Драконы #Сильные чувства #Дорский кот #ХЭ!!!!!!!!!!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Жирная Жанна	12
Глава 2. Король	26
Глава 3. Первое слушание	49
Глава 4. Старые тайны	82
Глава 5. Новые тайны	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Пролог

- Матушка, смилуйтесь! Пощадите! По...

Плач переходит в жалкий писк, потому что у девушки - растрепанной, почти голой, в одной только тонкой холщовой рубашке, - нет сил, чтобы сопротивляться.

- Да не вой ты, - рассерженной медведицей рычит мать. Она идет впереди, освещая каменный темный коридор фонарем, и руки ее заметно дрожат. Она зябко передергивает плечами, потому что в этом каменном мешке холодно и жутко, но девушка, крепко схваченная под руки парой крепких слуг, не чувствует холода.

Перед тем, как втащить сюда, ее хрупкое тело окатили холодной водой из ведра - небрежно и грубо помыли, - и наскоро натянули рубашку, даже не обтерев мокрой кожи. Но ужас окатывает нервы девушки кипятком так, что ей жарко. Ей кажется, что она пылает в огне, и все, что она может - это умолять не тащить ее туда, в могильный холод.

- Матушка!

Но у той, к которой она взывает, кажется, нет сердца.

- Ничего с тобой не сделается, - ворчит мать, отворачивая лицо, чтобы насмерть перепуганная беспомощная жертва не могла заглянуть в ее глаза. Все-таки, подобие стыда еще живет в ее безжалостной душе. - Я же добра тебе желаю, дура. Пройдешь этот отбор, и можешь быть свободна! Подумай,

как хорошо будет, если твоя сестра выбьется в королевы! Это такие связи, такие возможности! Такие деньги! Мы уж тебя тогда не забудем. Так и быть, будешь дома жить, незачем тебе будет по свету, по чужим домам, скитаться и маяться. Крыша над головой, свой кусок хлеба - что тебе еще надо для счастья?

- Это нечестно! - вопила со слезами несчастная, стараясь вырваться из крепких рук своих мучителей. - Нечестно! Если Жанна хочет замуж за короля, то пусть она бы и прошла этот отбор! Почему она живет в твоём доме безо всяких условий, а мне нужно завоевать это право, рискуя своей жизнью?!

- Потому что это мой дом! - окрысилась мать, и, внезапно обернувшись, отвесила оплеуху бьющейся в истерике жертве. Та захлебнулась болью и плачем и мгновенно обмякла, опала, как сломанный цветок. Густые, тяжелые, темные волосы с медовым отливом закрыли ее лицо, и злобная старуха ухватила их, силой поднимая поникшую голову девушки. - И мне решать, кто там будет жить, а кто нет! Что-то ты прибежала по первому зову, а, когда домой позвали? Небось, любишь задарма лопать! Не хочешь трудиться!

- Я думала, - скулила девушка, - вы соскучились по мне. Думала, хотите видеть; думала, ваше материнское сердце...

- Так теперь отработывай хлеб, отплати мне за мою доброту! Жанна пройти отбор не может! Если б могла, неужто мы бы звали тебя?! Здоровая лошадь, а толку от тебя нет совер-

шенно! Что ты сделала для семьи?! Ничего! Умеешь только ныть, скулить и клянчить деньги! Вот поработаешь теперь, ничего страшного... Другие-то девки туда идут добровольно, значит, ничего страшного! Это ты выгибаешься и упираешься из-за твоей лени и чистого упрямства!

- Что сделает со мной король, если узнает о подмене и обмане?! - вопила девушка. Мучители подтащили ее к круглой маленькой дверке в каменной стене в конце холодного коридора, и девушка, почуяв, что путешествие закончено, задрожала всем телом и снова попыталась высвободиться. - Это никого не интересует?! Король не добр и не милосерден! Он чудовище, он зло во плоти! Он просто велит казнить меня, да и вас вместе со мной тоже! Он не простит подмены! Одумайтесь! Пока не поздно!

Но мать была неумолима.

В ее мутных карих глазах отражалось только упрямство и странное, жестокое равнодушие по отношению к дочери. Она посторонилась, чтобы дать дорогу слугам с упирающейся девушкой в руках, и лишь кратко кивнула головой на страшную дверцу, за которой таилось зло.

Так велят выкинуть на улицу ненужного щенка, сделавшего лужу на дорогом ковре.

- Я скажу ему, - из последних сил выдохнула девушка, упрямо поднимая бледное лицо к матери. - Я скажу королю о вашем обмане. Если мне суждено пройти отбор, то я назову свое имя, а не Жанны!

Эти дерзкие слова так разозлили мать, что та взревела и накинулась на девушку с кулаками. Она лупила, воя от ненависти, стараясь попасть костяшками по нежному лицу, чтобы наставить синяков побольше, лупила, трясясь от злобной радости оттого, что наказывает строптивницу. Лупила, упиваясь болью девушки. Вымещала на ней, беззащитной, какую-то свою непонятную злобу.

- Только попробуй! - выдохнула она, устав и выбившись из сил. - Только слово ему скажи, мерзавка! И тогда тебе несдобровать. Я скажу, что ты обманом проникла в Комнату Отбора. Я добьюсь, чтобы тебя четвертовали на площади! Я скажу, что ты дурное против короля задумала! Тогда ты узнаешь, насколько он недобр на самом деле! Упрямая, неблагодарная скотина!

Девушка не ответила ни слова, сломленная и избитая.

В тусклом свете фонаря безмолвный исполнитель злой воли старухи отодвинул огромный черный засов - по всему было видно, что его не вынимали из скоб уже давно, - а второй толкнул девушку в приоткрытую дверь.

Несчастливая упала на каменный пол, но почти сразу же подскочила, напуганная, озираясь по сторонам. В темноте и холодной тишине зала слышался какой-то шипящий звук, и девушка вскрикнула, прижавшись спиной к двери и пытаясь в полутьме взглядом отыскать то невидимое зло, что таилось тут.

Клубы пара поднимались с ее мокрых плеч, вырывались

изо рта при каждом выдохе. Было очень холодно, и девушка дрожала не только от страха, но и еще и от пробирающей до костей стужи.

- Не бойся, дитя, - раздался из мрака нежный, как шипение кобры, голос. Завораживающие зеленые глаза вспыхнули напротив, и девушка почувствовала, как колени ее подгибаются. - Я не причиню тебе зла.

- Да, ваша милость, - прошептала девушка посиневшими от холода губами.

Длинное змеиное тело медленно двинулось в темноте, в скудном призрачном свете мелькнул раздвоенный язык.

- Ты знаешь, кто я?

- Вы Фиолетовый Страж, - еле ворочая языком, ответила девушка. От холода у нее зуб на зуб не попадал, но она старалась выговаривать слова как можно четче. - Верный слуга Его Величества.

- Зачем ты здесь? - прошептала темнота, довольно щуря опасные зеленые глаза.

- Затем, чтобы служить Его Величеству, - ответила девушка. Стужа пробирала до костей, сдавливала грудь, мешая вздохнуть, и несчастная дышала шумно, часто, сипя простуженным горлом.

- Как ты хочешь служить Его Величеству, дитя мое? - продолжал свой неспешный допрос Фиолетовый Страж. Этот разговор превращался в пытку, и несчастной девушке хотелось выть, потому что вместе с морозом пришел страх смер-

ти.

Она ощутила себя беспомощной, ненужной, жалкой просительницей, обращающейся к королю. А ему до нее не было никакого дела; и жаль ее ему тоже не было. Даже если она замерзнет насмерть в этой неторопливой беседе с Фиолетовым Стражем, королю на это было наплевать.

Конечно, ее сестра, Жанна не могла пройти этот отбор! Ведь уже на первом же этапе она могла если не умереть, то замерзнуть как следует. А она очень не любила, когда ей плохо. Да и мать, любящая свою Жанну странной, одержимой любовью, вряд ли позволила ей сюда ступить. И это было обиднее всего!

«Ведь я тоже твоя дочь! - горько думала девушка. - Почему же тебе меня не жаль?! За что ты так ненавидишь меня, мама? Чем Жанна тебе дороже и милее? Ты отняла у меня все - право жить в родном доме, право называться твоей наследницей, а теперь отнимаешь последнее - имя и жизнь!»

Девушка склонила голову, пряча неудержимо льющиеся по щекам слезы, и глуша рыдания, рвущиеся из груди. Ей нужно было понравиться Фиолетовому Стражу. Она отчаянно хотела ему понравиться! Хотя бы для того, чтобы он позволил ей пройти дальше, хоть немного согреться, чтобы тело не ломали судороги, чтобы расслабились сведенные плечи.

- Я хочу, - выдохнула девушка, трясаясь, - предложить ему себя. Я хочу участвовать в отборе.

- А не задумала ли ты зла, дитя мое? - по-прежнему шуря

опасные глаза, спросил фиолетовый Страж.

- Я чиста и мысли мои чисты, - через силу ответила девушка, с трудом стоя прямо, хотя судороги уже мучительно тянули ее поясницу.

- Дай я прикоснусь к тебе, - прошелестела темнота. - Не таишь ли ты в своей одежде оружия или яда?

«Вот зачем омывают и одевают в одну рубашку, - подумала девушка, через силу раскрываясь, словно кого-то хотела обнять. - Чтобы легче было найти кинжал или яд, если вдруг кто-то вздумает его пронести с собой!»

Тут ее ноги коснулось змеиное гладкое тело, и чешуя показалась несчастной обжигаяще горячей. Тугое чешуйчатое кольцо обвило ее лодыжку, поползло вверх, по колену. Но девушка не испугалась этого прикосновения; напротив - теплое, живое, оно показалось ей самым желанным, что может быть в мире. Девушка даже застонала от наслаждения, чувствуя, что огромная змея обнимает ее все выше и выше, стягивая все ее тело неестественно теплыми кольцами, и Фиолетовый Страж тихонько рассмеялся, глядя их темноты, как она гладит озябшими ладонями его горячую чешую.

- Да, ты чиста, - прошелестел Страж. Он обхватил девушку так, что свободной осталась только ее голова, обнял по самые плечи, завернул в кокон тепла, и девушка поняла, зачем это делается, зачем этот мороз и долгие разговоры.

«Если б я притаила кинжал и задумала неладное, я б не позволила себя так трогать», - подумала она, и это была по-

следняя ее мысль. Змеиные кольца чуть сжались, над ее головой послышалось долгий выдох, и она ощутила тонкий, едва уловимый аромат ванили и корицы.

После чего сознание покинуло ее, и она погрузилась в сон.

Глава 1. Жирная Жанна

Жирная Жанна праздновала совершеннолетие.

Несмотря на нежный возраст и якобы хорошее происхождение, Жирная Жанна к концу празднования была вдрызг пьяна и растрепана, словно в своем новом нарядном новом платье скатилась откуда-то с глинистого косогора. Ее толстые красные губы были мокрыми и вспухшими от вина и улыбок. Когда Жанна улыбалась слишком радостно, обнаруживалось отсутствие некоторых коренных зубов.

- Я очень красивая женщина, - уверенно говорила пьяная Жанна, вертясь перед зеркалом, люблюсь собой и демонстрируя всем некие смелые па из выдуманного ею танца, крутя толстым животом как танцовщица в похабном притоне.

У Жанны были темные волосы, черные глаза, в которых иногда отражалось то ли безумие, то ли хитрость, а иногда все вместе. Жанна любила повеселиться, как следует выпить и поесть. Еще она любила побрякушки - ну, точно сорока! - и славилась своей жадностью и завистливостью. Не было в округе ни единой родственницы, с которой юная Жанна не попыталась бы хитростью стащить хоть какое-нибудь золотое украшение с тем, чтобы продать его или присвоить себе.

Хитрости Жирной Жанны хватало обычно только на то, чтобы пообещать жертве равноценный обмен. Она делала честные круглые глаза и уверяла, что это вовсе не вымога-

тельство, а честный обмен.

- Матушке моей бы такие сережки, - ворковала Жанна, тиская влажными горячими пальцами мочку несчастной, - на день рождения. А я бы купила тебе в лавке у Юджина другие. Потом.

Жанне не верили и под благовидными предлогами отказывали. Жанна вздыхала и ненадолго успокаивалась. Но вскоре снова начинала искать себе новую жертву с целью обобрать и поживиться.

Ее престарелая мать, почтенная графиня Зинан Уорвик, только вздыхала, глядя на наследницу, и согласно поддакивала.

- Ну, - ворчливо произнесла она, строго глядя на веселящуюся дочь и отчего-то оттирая руки полой платья, словно они были испачканы чем-то липким и вязким, словно смола, - выкинула я Ивонку-то. В каменный мешок. Дальше что? Она, может, и не издохнет там, на холоде. Но если даже сумеет получить то, что тебе надо, то как потом-то ты вместо нее окажешься?..

Эта почтенная дама, широкозадая, неповоротливая и рыхлая, немногим превосходящая по габаритам дочку, Жанну очень любила. Ее любовь была грубой, негромкой и без изысков. Мадам Зинан не ворковала над своим ненаглядным чадом. Она вообще не умела ворковать, только глухо ворчать, как старая дворовая собака. Но зато своей ненаглядной дочери она позволяла делать все, хоть и сопровождала свое

разрешение суровой воркотней.

А Жирной Жанне категорически нельзя было позволять все, что ей приходило в ее кудлатую голову.

Дело в том, что у Жирной Жанны была весьма отвратительная наследственность. Мадам Зинан, весьма зажиточная дама, но невысокого происхождения, от небольшого ума и от огромного желания заполучить титул, вышла замуж за графа Эрика Уорвика - нищего, грязного головореза. Граф был дерзок, жесток, груб и дик, словно родился среди отбросов, на самом дне, и не знал человеческих добрых слов. Да и милосердие и благочестие будто б никогда не трогали его сердце.

Он, как и Жанна, любил выпить, подраться, залепить добрую оплеуху своей неповоротливой толстозадой женушке. За свою недолгую семейную жизнь граф сделал Зинан троих детей - наследника Вольдемара, Ивон и младшую, Жанну, - и благополучно отбыл в мир иной с чужим ножом в боку.

Зато Зинан, терпевшая дикого буяна в своем доме достаточно долго, как ей показалось, вздохнула свободнее. И, главное - у ее выводка на плечах, у каждого, расцвела графская метка, герб, вытравленный дикой кровью отца на детской коже, словно узор на муаре.

Знак аристократии. Метка высшего света.

С нею путь в высшее общество был открыт. Как любая мать, Зинан желала своим детям только добра, а добро в ее сундуках таяло, потому что никто, кроме нее самой, в семью

денег не приносил.

Жанна, услышав добрую весть от матери, пьяно фыркнула, обдав все кругом брызгами вина, и отерла пухлой ладонью мокрый подбородок.

- Это лучший подарок мне на день рождения! - нетрезво выкрикнула она, и мадам Зинан брезгливо отвернула лицо от мощной волны перегара и пота, распространившейся от красоты Жанны.

- Лишь бы все это не напрасно было, - вздохнула тяжело Зинан. - Все ж таки, Ивонка мне тоже дочь. Как бы не пропала зря.

- Серьги сняла? - вдруг деловито и резко осведомилась Жанна. - Дай сюда! Сюда дай, сказала!

- Да на, на, подавись! - выкрикнула мать, когда налетевшая Жанна, как коршун, выхватила из ее рук крохотные золотые кусочки - последнее и единственное сокровище, что было у Ивон.

- Дура! - огрызнулась грубая Жанна, тотчас напяливая чужие украшения.

- Сама дура! - тотчас отозвалась почтенная матушка. - Дальше-то что, спрашиваю?! Подмену ты как произведешь?! Король, поди, не дурак, и не слепой. Если Ивонка тебе отбор выиграет, уж он ее рассмотрит со всех сторон! Хоть бы ты похудела, что ли... надели бы платье Ивонкино, лицо фатой завесили... как-нибудь, да получилось бы его обмануть.

Жирная Жанна насмешливо хмыкнула, поправляя кро-

хотные сережки в толстых мочках.

- Ты мыслишь примитивно, - ответила она, явно гордясь собой, потому что в ее хмельном мозгу созрела какая-то невероятная по своей небывалой дерзости идея. - Он все равно заметит подмену.

- Ну, и зачем тогда Ивонку было посылать? - ворчливо спросила мать. - Шла бы сама! Может, король заставил бы тебя танцевать, или на охоте скакать на коне! Глядишь, жопу бы свою подрастрясла!

Да, в благородном семействе воспитание хромало на обе ноги как у почтенной матери, так и у юной дочери.

- Да вот еще! - окрысилась Жанна. - Мне все равно, что он там заметит!

- Чего ж тогда рвешься за него замуж?

Глаза у Жанны стали круглые, страшные, пустые.

- Он богат, - сказала она, облизывая толстые красные губы и нервно теребя в ухе отмародерствованную сережку. - Еще говорят, что он красив.

- Что она, красота-то, - ворчливо отозвалась мать. - Твой отец тоже был красавец хоть куда, и при этом злой, как головорез. А король и того злее; и если ты получишь от него кулаком в зубы за подлог, то это еще, считай, дешево отделаешься.

Жанна приосанилась. Винные пары плотно окутывали ее мозг и нашептывали ей на уши, что она, Жанна - не простая смертная, что она лучше всех, и достойна самого лучшего. И

что она этого обязательно добьется - силой своего ума, обаяния, силой своей неповторимой харизмы.

- Ты просто необразованная деревенщина! - рыкнула красотка на мать. - Ты ничего не знаешь об отборе, а я знаю все! Не зря же я готовилась! Я вычитала все требования к невестам, и все знаю о том, что за конкурсы он придумал!

Мать недоверчиво хмыкнула.

- Да мне и надо-то, - небрежно ответила Жанна, чье самонадеянность с каждым глотком вина стремилось к звездам, - чтобы Ивонка на балу себя показала. Ты же знаешь, я не могу танцевать. Я... я... я ногу подвернула, вот!

- Сидя за столом, - язвительно поддразнила мать. Жанна это колкое замечание пропустила мимо ушей; она прекрасно знала, что сколько бы мать не брюзжала, она все равно подчинится напору Жанны и сделает так, как той хочется.

Поможет; сотворит любую пакость, а потом будет говорить много покаянных слов и сердитых - в адрес Жанны. Но ведь это всего лишь слова, не так ли?

Но, несмотря на препирательства с матерью, Жанне ужасно не терпелось похвастаться гениальным планом, который она придумала.

- Слушай сюда, - загадочно понизив голос, произнесла она. - Я все разузнала! Король решил жениться потому, что ему нужен наследник, а не потому, что он ищет свою любовь! И он заранее обговорил, что с невестой будет составлен обычный брачный контракт! Он просто выберет себе знат-

ную девицу, с которой не стыдно будет появиться на людях. А все отношения с ней он пропишет в контракте. В этих контрактах обычно прописано все - и сколько раз в день нужно есть, и сколько платьев на день молодой супруге можно переменить, и как следует называть супругу.

- Ну? - тупо произнесла мать, не понимая, куда клонит Жанна.

- Метелки гну! - передразнила ее невоспитанная Жанна. - Невеста тоже должна составить брачный контракт! И там свои условия прописать! И жених тоже его должен подписать!

- Откуда ты знаешь, что там надо писать? - окрысилась мать. - Ты имя-то свое едва сможешь вывести на бумаге своими неповоротливыми толстыми пальцами!

- Я знаю того, - рыкнула Жанна зло, - кто только этим и занимается! Составлением брачных контрактов для знати!

- И что он сказал тебе? - недоверчиво поинтересовалась мать.

- Он сказал, - ответила Жанна, - правда, не сразу, а после того, как высосал пару бутылок яблочной наливки, что мне с королем ничего не светит. Вот поэтому я решила отослать туда Ивонку. Ивонка красивая, - в голосе Жанны вдруг прорезалась лютая ненависть, она словно отрезвила толстуху, и та утерла жирный от праздничного угощения рот. - Утонченная, стерва худосочная... У нее может выйти окрутить его. Она назовется моим именем, будет перед ним пресмыкаться

и елозить на брюхе, и он в нее втрескается! А потом стряпчий подсунет ему брачный контракт, - Жанна мерзко захихикала, - с моими желаниями, где вместо имени Ивонки будет вписано мое имя. Король его подпишет, и все! Считай, он у меня в кармане!

- Он убьет тебя, как только увидит вместо Ивонки, - сердито возразила мать. - Дурак он, что ли?

- Не убьет, - самодовольно заявила Жирная Жанна. - Контракт скрепляется Магической Печатью. Он и руку не сможет поднять, если это прописать отдельным специальным пунктом!

- Все равно, - упорствовала мать, - читать-то он умеет! Думаешь, не насторожат его твои «специальные пункты»? Если невеста настаивает на том, что муж не имеет права ее бить, значит, ему точно есть за что пересчитать ей ребра! Он не станет этого подписывать, а даст тебе в ухо посильнее!

- И это я предусмотрела! - с восторгом выпалила Жанна. - Обычный контракт вмещается на десяти страницах, и там оговорено все, что приличествует невесте. Клятвы быть верной, ласковой и прочие высокопарные слова. Он почитает начало, и все. А все свои специальные пункты я вынесу на следующие страницы, и ему не покажу.

- Как же ты их не покажешь?! - возмутилась мать. - Контракты прошиваются магической нитью. Вынуть лист невозможно.

Глаза мадам Зинан подернулись печалью, она даже

всплакнула, припоминая, как совсем молодой подписывала аналогичную бумагу, выходя замуж за своего буйного злобного красавца-графа.

- Я же говорю, - холодно заметила Жанна, - что ты тупая деревенщина. Была б умнее - папаша бы палкой тебя не гонял в неглиже по округе. Достаточно было ему это запретить контрактом. Одним словом: надо стряпчему заплатить. Тому человеку, что составляет контракт. Заплатить много, очень много, чтобы он все ладно написал, и нитью магической прошил, и печать поставил... и в нужный момент просто выбрал листы с особыми условиями. Он может. А потом их обратно подложил. Это во власти стряпчих.

Мать замахала на дочь руками, словно на курицу, не желающую возвращаться в курятник.

- Деньги?! - вопила она. - Откуда у меня такие деньги?! Это ж сколько нужно отвалить, чтобы стряпчий согласился обмануть *короля!*

Нет, на самом деле деньги у мадам Зинан были, и немалые. Они хранились, запертые в добротном сундучке, в подвале, таком же холодном, как тот, в который утащили Ивон. Но отдать их все какому-то пройдохе?!

Это означало бы остаться без красивых платьев и без любимой колбасы к ужину, и масла сливочного тогда тоже не видать. И все потому, что Жанне взбрело в голову стать королевой.

- Не дам, - отрезала мадам Зинан. - И не проси.

- Жалко тебе, да?! - грубо и агрессивно заорала Жанна, дыша на мать винным и табачным перегаром. Ее круглое лицо тотчас сделалось жутким, злобным, от бывшего благодушия не осталось и следа. - Для меня - жалко!? Для своего ребенка жалко?! Жалко, да?! Всего десять тысяч золотых. Что тебе, жалко?

Десять тысяч золотых у мадам Зинан были; собственно, если б Жанна знала, что их нет, она бы и не заводила разговоров... или заводила, но заставила бы мать пойти с протянутой рукой по соседям и родным, чтобы наскрести нужную сумму на подарок дочери ко дню рождения. Но эта сумма была невероятно, заоблачно огромной; это было практически все состояние Зинан, и Жанна сейчас требовала все это отдать, кинуть деньги на алтарь ее желаний.

- Ну, дай! Дай денег мне! Я потом верну!

Жанна выкрикивала эти слова так грозно и так знакомо, что мадам Зинан казалось - ее буйный муж восстал из могилы и сейчас двинет кулаком ей в зубы.

- Нету у меня, - привычно огрызнулась грубая Зинан.

- Вольдемара тогда надо заставить написать этот контракт, - мгновенно произнесла Жанна, успокоившись. - Он же ученый! Сколько отвалили за его обучение в столичном университете? Вот и пусть пишет, чтоб хоть учился не зря. А то просиживает дома штаны без дела.

Похоже, Жирная Жанна действительно продумала и предусмотрела все. И даже то, что мать не даст ей денег на

эту авантюру - тоже.

- Ай-ай-ай! - заверещала Зинан, чувствуя, что Жирная жадная Жанна покушается на святое - на любимого сына. И это уже было опасно, потому что сына Зинан любила так же, как и Жанну, если не больше. Вольдемар был кругл, добродушен, толстогуб и толстозад, как и его мать, и, видимо, в схожести с нею и крылась разгадка ее любви к сыну. - Всю семью извести решила?! Всех погубить?! Вольдемара не дам впутать в твою авантюру! Из-за твоих глупых желаний...

- Я королевой стану, - грубо перебила ее Жанна. - На золоте пить-есть станем. Заведем лошадок и собак породистых. Дом обновим. В карете по городу станем ездить. Чем плохо? Ну, денег давай, или Вольдемара зови домой!

Денег Зинан было категорически жаль; а потому, повздыхав и поломавшись, она все же решила написать сыну письмо с тем, чтобы он поскорее прибыл в отчий дом для решения семейных важных и неотложных дел.

Ивон пришла в себя от грубой встряски. Кто-то крепко сжимал ее за плечи и тряс что есть сил, так, что голова ее болталась на слабой шее, как пустой орех. Девушка с трудом сообразила, что лежит на жестком ложе, укрытая то ли плащом, то ли еще какой тяжелой, теплой одеждой, и вставать ей категорически не хотелось.

С трудом разлепив тяжелые веки, девушка увидела пе-

ред собой неясную фигуру, облаченную в темно-фиолетовые, почти черные, одежды. Лицо неизвестного закрывала грубая железная маска, такая жуткая, что Ивон мгновенно пришла в себя.

Выкованные кузнецом металлические черты навевали мысли о жуткой казни в костре.

«Как Жанна может хотеть выйти замуж за человека, который даже свою свиту украшает масками смертников! - в ужасе подумала Ивон, кое-как поднимаясь на слабые ноги и стыдливо прикрываясь руками от взгляда Фиолетового Стража. Она по-прежнему была одета в одну только нижнюю рубашку, и это было очень неудобно и стыдно.- Король воистину чудовище! Небеса великие и магия, помогите мне!»

- Я твой личный Страж, - меж тем прогудел из-за своей маски Фиолетовый, разглядывая Ивон. - Как и любая королевская невеста, ты будешь под неусыпной охраной. И помогать тебе буду я. Я буду оком, что присматривает за тобой, рукой, что защищает, направляет и опекает тебя. Ты молода, хороша собой, - он критически оглядел ее темные глаза, белоснежную кожу, волосы, темным гладким покрывалом ниспадающие на плечи. - Если ты благородного происхождения, то у тебя есть все шансы понравиться королю. А я тебе стану в этом деле помощником и советником.

«Тюремщиком, надзирателем и палачом, - горько завершила Ивон его речь. - Будет помыкать мной, как дрессированной собачкой! Какая прекрасная королевская забота!»

- И если ты, - невозмутимо продолжал чудовищный страж, - сумеешь добиться расположения Его Величества, это будет огромной честью для меня. Это будет означать, что я верно направил тебя и верно смог раскрыть твой потенциал и твою личность, чтобы король мог заинтересоваться тобой и рассмотреть в тебе именно то, что ему нужно.

- Разве королю нужна моя личность? Он ведь претендует только на мое тело, - горько произнесла Ивон, и тотчас взвизгнула, потому что на ее бедро безжалостно и резко опустился хлесткий стек с ременной петлей, оставляя алую полосу на коже.

- Урок первый, - невозмутимо погудел королевский слуга, глядя, как Ивон со слезам на глазах потирает побитое место. - Не нужно высказывать в адрес короля свои сомнения. Если я что-то говорю о короле, значит, это так и есть. Тебе стоит повзрослеть и отвыкнуть от детских капризов. Будущая королева должна быть мудра, умна и не высказывать слезливых утверждений с целью разжалобить собеседника. Королю нужна личность; королева, под стать ему самому. Сильная, смелая, разумная.

- Но я далеко не такая, - глотая слезы, прошептала перепуганная Ивон.

«Интересно, если я провалю этот отбор, - в панике думала она, - если я не понравлюсь королю, то что он сделает? Отправит меня обратно? Или выгонит на улицу? Ну, не должен же он как-то наказывать меня только за то, что я ему не

понравилась! Скорее всего, второе; король не станет возить-ся с ничего не значащей для него девушкой. И это было бы неплохо. Возвратиться домой, к разъяренной Жанне и матери... Да они просто разорвут меня в клочья! Нет, только не к ним! А врать королю? Притворяться Жанной? Это ли не чистейшее самоубийство?! Особенно если он потом увидит обман и подлог... этот же самый Фиолетовый Страж запретит меня перед королем насмерть».

- А если я не пройду отбор, - произнесла Ивон, - что будет со мной?

- Тебя сопровождают вон из дворца, - невозмутимо ответил Страж. - Но даже не надейся на это. Я приложу все усилия, чтобы именно ты, моя подопечная, победила, - он многозначительно качнул перед лицом перепуганной Ивон стеклом. - Я научу и воспитаю тебя.

- Но ведь проигравшие все равно будут! - со страхом выкрикнула Ивон. - А их наверняка тоже будут опекать, обучать и подсказывать им, как себя вести!

- Будут, - невозмутимо ответил Страж. - Но это будешь не ты. Кто угодно, только не моя подопечная. А теперь умой свое лицо, приведи в порядок волосы. Сейчас ты в первый раз предстанешь перед королем.

Глава 2. Король

В довольно хорошо освещенном зале было довольно много девушек. Все они были простоволосы, облачены в одни только нижние рубашки и расставлены полукругом. За спиной каждой из них стояло по Фиолетовому Стражу, и зрелище это было довольно жуткое.

Красавица - и за спиной ее чудовище неопределенного пола и возраста, в темной одежде, наглухо закрывающей всю поверхность тела. На каждом Страже была железная маска, и каждая маска имела свои черты. Своего Фиолетового Ивон безошибочно отличила бы от другого, по высоким резким скулам и узорам на висках, изображающим вспышки молний.

«Подумать только, о каких глупостях начинаешь думать в самый неподходящий момент!» - подумала Ивон.

Она старалась унять свое волнение, отвлечься на что-нибудь, но выходило плохо. Сердце ее колотилось, руки тряслись так, что она не с первого раза смогла убрать падающие на лицо волосы и заправить их за уши.

Оглядев конкурсанток, Ивон поняла, что она здесь не одна такая, которую вытолкали на отбор насильно. Представительниц знатных, но захудавших аристократических семей можно было сразу узнать по лицам, искаженным испугом, по слезам на глазах и по нищенским холщовым рубаш-

кам. Большого обедневшая родня предложить потенциальным невестам не могла; а поправить свои дела за счет короля было превеликое множество. Вот почему Фиолетовый Страж не удивился ее нежеланию выходить за короля...

«Не одна Жанна рассчитывает, что король женится и пустит ее в свою сокровищницу», - подумала Ивон, тайком разглядывая товарок по несчастью.

Были, конечно, и такие невесты, что явно находились тут по желанию. Их тоже сразу было видно.

Это были статные девушки, высокие, стройные, ладные. Их рубашки были пошиты из тонкого батиста и почти не скрывали красоту нежных розовых тел. Волосы королевских элитных невест влажно поблескивали после ритуального купания в теплой воде с медом и молоком, и от таких девиц пахло духами, а не подвальной сыростью.

«Вот же, - думала Ивон, рассматривая гордых аристократок, - и красивые, и знатны. Зачем королю вообще этот отбор? Взял бы любую из этих. Они достойны быть королевами, каждая их них. Ох, хоть бы он так и поступил!»

Фиолетовый Страж за спиной Ивон вдруг зашевелился, кончик его стека уперся в спину девушки, и та обмерла от страха. Она почувствовала себя животным, которое дрессируют, и это было унижительно и обидно до горечи во рту.

Но самое страшное - это беспомощность. Ивон вдруг ощутила чудовищную, унижительную и жуткую беспомощность. Если слуги короля вели себя настолько по-хозяйски, то что

же мог сделать сам король? Изуродовать? Изнасиловать? Развлечься, травя собаками? И никто не защитит, никто не придет на помощь. Никто не запретит королю вести себя так, как ему вздумается...

«Вот отчего Жанна не пошла на отбор сама! - задыхаясь от страха, подумала Ивон. - Если б она надерзила королю, ее тотчас же призвали бы к порядку самым жестким образом. И никто бы ее не пожалел; и мать бы отсюда не вытащила. А меня не жаль... Если тут меня изломают и уничтожат, эти двое не расстроятся... Вот цена за мою глупость! Глупая, глупая! Поверила в сладкие слова матери о том, что она соскучилась, о том, что я имею какую-то долю в наследстве! Устала работать и скитаться... Да, я зарабатывала немного, но я была свободна, и никто не мог мной помыкать!»

- Голову выше, - бесстрастно подсказал Страж, неприятно похлопывая Ивон по спине стеклом. От этих прикосновений по коже девушки словно катился ледяной холод, острым отточенным лезвием до боли щекоча мышцы вдоль позвоночника. - Ты готовишься стать королевой, а не служанкой. Учись смело смотреть в лицо кому бы то ни было. Расправь плечи. Не думай о наготе. Думай о том, что бы ты хотела, что бы увидели прежде твоей наготы. Достоинство; думай о достоинстве.

«Стоять голышом на всеобщем обозрении и делать гордый вид! - горько подумала Ивон, подчиняясь Стражу. - Однако, они тут затейники!»

Зал на несколько минут наполнился звуками злых взвизгиваний стеков, болезненными криками и всхлипываниями. Каждый Страж пестовал свою подопечную весьма неласково, и Ивон едва не задохнулась от острейшего чувства принадлежности кому-то. Как вещь, как рабыня. Она изо всех сил старалась держать себя уверенно и спокойно, но сердце ее выпрыгивало из груди. И ничего, кроме раздражения и закипающей ненависти по отношению к королю, в душе ее не рождалось.

«Если честно, - с внезапной злостью подумала она, сжимая кулаки, чтобы не раскричаться от ненависти и ярости, глядя, как один из Фиолетовых Стражей жестоко и безжалостно обрабатывает стеком свою подопечную, оставляя на ее руках и плечах алые полосы, - то мне, пожалуй, стоит сыграть этот проклятый отбор! Ведь тогда Жанна на своей шкуре опробует любовь и ласку короля...»

В этот миг раскрылись двери, и Фиолетовый церемониймейстер, торжественно стукнув посохом об пол, громко и отчетливо произнес:

- Его Величество, Железный Король!

Стек неприятно и грубо уперся в затылок Ивон, ероша волосы и едва ли не сдирая кожу, и она покорно склонила перед королем голову и присела в реверансе, когда тот же самый стек чуть стукнул ее по плечу, подсказывая, что перед королем надо быть ниже. Как можно ниже.

От волнения и страха перед глазами Ивон все плыло. Все,

что она увидела вместо короля - это темное пятно, отчего-то пронзительно бликующее светлыми, как молнии, вспышками, змеящимися по телу монарха.

Девушки все присели в реверансах, как по команде. Их надсмотрщики-Стражи зорко следили за тем, чтобы позы, в которых девушки замерли перед монархом, были изящны и красивы, и тычки стеков сыпались на несчастных градом.

Ивон не получила ни единого замечания от своего стража; он стоял за ее спиной тихо, и девушка осмелилась поднять глаза и посмотреть на короля.

Что ж, увиденное вполне соответствовало жестокому и страшному образу, который король себе создал.

Это был высокий человек, широкоплечий, и, по всей видимости, сильный, потому что поверх его одежд на нем были черные металлические латы, украшенные узорами из светлых, отполированных до блеска полосок, сплетенных в причудливом рисунке.

Лицо его, как и лица Фиолетовых Стражей, было скрыто железной маской, причудливо сплетенной из черных и белых полос стали.

И глаза - пронзительные, очень светлые, зеленые, поблескивающие в прорезях жуткой маски!

Этот взгляд, казалось, насквозь пронзил Ивон, пробил ее душу так, как копье пробивает грудь и разрывает сердце, и девушка едва сумела устоять на ногах, потому что ей показалось - она больше не сможет есть и пить, дышать и жить

без разрешения короля, умеющего укротить любого одним только взглядом прозрачных глаз.

Странная нега разлилась по телу девушки; сейчас ей показалось вдруг, что подчиняться королю, быть его игрушкой, его рабыней, его вещью - это так же естественно, как каждое утро видеть на небе солнце.

«Что со мной?! - в панике думала Ивон, чувствуя, что руки ее становятся ватными и ноги отказываются держать дрожащее тело. - Что это?! Волшебство!? Запретная магия?!»

В зале послышался вскрик; кажется, еще одна девушка осмелилась посмотреть королю в глаза - и упала в обморок. Король не сказал ни слова; он просто отвернулся от лежащей на полу, и ее тотчас подхватили Фиолетовые слуги и вынесли вон.

«Одна уже не прошла, - подумала Ивон, не смея поднять глаз. Все ее существо горело в огне от волнения, и не было пытки страшнее, чем балансировать на грани стража и нестерпимого желания снова посмотреть на страшного короля. - Магия и небеса, отчего же так страшно?!»

Король медленно прошел по кругу, неторопливо рассматривая девушек, склоняющихся перед ним в почтительных поклонах. Ивон слышала, как в напряженной тишине шуршит по полу его роскошная мантия из блестящего черного меха, да как неспешно раздаются его шаги.

Руки короля были затянуты в черные перчатки. Красивые руки; их красоты не могла скрыть даже тонкая выделанная

кожа.

И безжалостные - король, рассматривая девушек, небрежным жестом будто отвергал некоторых из них, и Фиолетовые Стражи тотчас выводили конкурсанток, обескураженных таким пренебрежением.

К удивлению Ивон, эта печальная участь постигала не только девушек из небогатых семей; одной из первых король отверг высокую, статную, пожалуй, самую заметную из всех девушку. Она и крикнуть не успела, как на нее, на красивую, на гордую, накинута темный плащ, будто колпак на лампу, туша ее красоту, и утащили прочь.

«Вот это да! - поразились Ивон, поспешно склоняя голову еще ниже, потому что король подошел к ней так близко, что она могла бы коснуться его рукой. - Какие странные у короля вкусы! Оставил вон ту, замарашку, которая разве что не огрызается, как волчонок, а красавицу с золотыми волосами выгнал прочь!»

Меж тем король остановился прямо перед Ивон, и та почувствовала, как волнение душит ее, наливая жаркой кровью щеки.

- Назови свое имя, - погудел король. Голос его был похож на голос Фиолетового Стража, опекающего Ивон. Только еще гуще, еще ниже, и такой чарующий, что Ивон, будто заколдованная, снова подняла на короля взгляд, не ощущая болезненных тычков стека.

- Ну? - нетерпеливо произнес монарх. В туманной дым-

ке, куда отлетело сознание, Ивон поняла, что просто стоит и смотрит на короля. В его зеленые, прозрачные, порочные и жестокие глаза. Смотрит и не говорит ни слова. - Твое имя!

- Девица Уорвик, - подсказал Фиолетовый Страж.

- Уорвик, - повторил король. Ивон его голос показался удивленным. - Какая древняя кровь... неужто мятежный граф успел оставить наследников?

Теперь Ивон вдруг ощутила нетерпеливые тычки стека в свою спину, и поспешно поклонилась королю.

- Да, Ваше Величество, - ответила она, стараясь, чтобы голос ее не слишком дрожал от страха. - Успел. Моя мать подарила ему троих детей.

Король хмыкнул, как показалось Ивон - весьма неодобрительно.

- Трех, - повторил он. - Эта кровь имеет свойство преподносить неожиданные сюрпризы... я хочу взглянуть на герб на твоей коже. Очень уж неожиданно увидеть потомка рода Уорвиков здесь, да еще и в таком странном качестве.

Он отступил, неспешно стаскивая с руки перчатку, а к девушке тотчас же, как по команде, жутко и быстро, приблизились Фиолетовые.

Ивон взвизгнула, когда Фиолетовые, не церемонясь, сдернули с ее плеча рубашку. С левого плеча. Словно знали, где у нее гербовое тиснение.

Грудь при этом тоже обнажилась, остренький темный сосок было хорошо видно на белизне кожи, и Ивон стыдливо

прикрыла его ладонью.

Но на ее запястье лег стек, и, подняв глаза, девушка встрети-лась взглядом со своим Фиолетовым Стражем. Разумеет-ся, по железному лицу нельзя было прочесть ни единой эмо-ции. Но Ивон показалось, что Фиолетовый даже дышать пе-рестал, и в его глазах пылал призрачный зеленый ад.

Фиолетовый... боялся?!

Или волновался так, что его лоб взмок и капли пота полз-ли на ресницы?..

Ивон подчинилась; она опустила руку, которой коснулся стек, и король удовлетворенно качнул головой. По всему бы-ло видно, что он не хочет возиться с сопротивляющейся де-вицей, слушать ее слезливые крики и протесты.

Фиолетовые крепко держали Ивон под руки, словно она преступница какая-то - а король это палач, который сейчас выбьет из ее губ признание болью.

И сами приготовления - к чему?! - были какие-то злове-щие. Такие ужасные, что Ивон почувствовала, что ноги ее не держат.

«Скорее бы все это кончилось! - молила она. - Он ведь всего лишь хочет взглянуть на эту печать. Не так ли?! Ничего страшного...»

Магия короля скользнула по залу, всколыхнув тяжелые темные портьеры на окнах. Зазвенели железные цепи, сколь-зя по полу, словно живые змеи. Они не коснулись Ивон, но перепуганной девушке показалось - они замерли у ее ног, го-

товые в любой момент кинуться на нее.

«Вот ужас, - подумала оторопевшая от этих жутких приготовлений Ивон. - Это что, все со мной происходит?»

Фиолетовые завели ее руки ей за спину, и Ивон показалось, что она стоит, прикованная, к столбу.

«Только вязанки хвороста под ногами не хватает», - в шоке подумала она.

Королю поднесли глубокую серебряную чашу с прозрачной водой, и он опустил в нее пальцы, будто оmyвая руки перед тем, как коснуться Ивон. Но его касание - неожиданно бережное, осторожное, - было не простым прикосновением.

Небрежным росчерком король начертил на обнаженной груди какой-то знак, и Ивон вздрогнула, почувствовав, как магия заструилась по ее телу.

Словно тысяча ладоней одновременно жадно коснулось ее ног, обняла бесстыдно колени, жаждущим теплом прильнула к дрожащим бедрам. На своей груди она ощутила мягкие прикосновения пальцев, как до того касался ее король. Эти невидимые магические пальцы поглаживали ее грудь, рисуя на ней непонятными, ярко вспыхивающими символами, и Ивон с ужасом поняла, что тонет в потоке прекрасных ощущений, разжигающих в ней страсть.

Магические пальцы трогали ее всюду; они легли на острый сосок, завладели им, чуть сжав его в щепотке, и Ивон прикусила губу от стыда и невероятного, возбуждающего наслаждения.

«Да черта с два они увидят это, - думала она, изо всех сил напрягаясь, сжимая колени и зажмутив глаза. - Пусть лучше думают, что мне больно...»

Однако, это не помогло.

Магические прикосновения не прекратились, а стали еще откровенней, еще раскованней. Ивон, поскуливая, ощущала, что магические пальцы гладят ее бедра высоко, очень высоко, почти касаясь ее лона. Она замирала всякий раз, ощущая на тонкой, как шелк, коже прикосновение в самом чувствительном, в самом нежном и самом потаенном месте, мгновенно наливающимся пульсирующим удовольствием. Но всякий раз ее тайное предвкушение было обмануто; магия ласкала ее до определенной черты, дразня, не касаясь ее лона, и девушка уже едва не выла, чувствуя то, чего никогда не ощущала с такой ясностью и с такой яростью - неудовлетворенное желание.

Магические пальцы ласкали ее соски; они то сжимали их и оттягивали, то нарочно прижимали сильнее, вжимали в мякоть груди и массировали, рисуя бесконечные спирали, отчего у Ивон круги плыли перед глазами.

Невесомыми прикосновениями, колющими сотнями игл магия касалась возбужденных острых сосков, и Ивон вздрагивала, потому что наслаждение пронзало ее вспышками, точными стрелами насквозь.

Ей чудилось, что голодные губы припали к ее часто вздымающимся ребрам и целуют, горячими языками слизывают

выступивший пот. Накрывают мякоть ее груди, вцепляются в натертые, ставшие невероятно чувствительными соски, покусывают их, покусывают, мучая девушку, заставляя ее балансировать на грани острейшего стыда и невероятного, колдовского наслаждения.

«Никогда и ни за что, - думала Ивон, умирая от стыда, когда почувствовала, как магический бессовестный палец наконец вкрадчиво добрался до ее лона и чуть постукивает по набухшим мокрым губам, готовым раскрыться навстречу ласке. - Они и догадываться не должны, как мне... хорошо...»

От очередного бессовестного прикосновения она дрогнула, произвольно разведя колени, и магия коснулась ее там - где жаждало и горело больше всего. На клиторе; на мокрых губах, затем на девственном, закрытом входе. Вкрадчивое и долгое касание, стирающее разум, возносящее дух к небесам, заставляющее девушку дрожать всем телом.

Ивон не сдержалась.

Она ахнула, чувствуя первый спазм, который выжимал ее тело, и магия ухватила ее жестче, до боли, словно нетерпеливый любовник. Теперь Ивон ощутила, как ее оглаживают прямо меж ног, как что-то проникает в нее, жестко, глубоко, так, что перехватывает дыхание.

Это было так бесстыдно и развратно, что девушка на миг потерялась.

Мысли ее перепутались, ужас, стыд, удовольствие - все

смешалось в ее голове, растворяя ее способность думать и адекватно реагировать на происходящее.

А еще король... его прозрачные зеленые глаза следили за каждым движением девушки, и ей, в ужасе отвечающей на его внимательный безжалостный взгляд, казалось, что это не магия ее сводит с ума, а он берет ее жестко, сильно, страстно и властно. Наслаждаясь каждым ее всхлипом, каждым ее вздохом. Каждым миготом власти над ее беззащитным трепещущим телом.

Насильно.

Вот почему она в таком смятении - ей показалось, что мужчина взял ее насильно. И все, что с ней происходит - это так необычно, дико и странно, что она готова выпрыгнуть из собственного тела и умереть.

Последний толчок в ее тело было так силен, что у нее дыхание перехватило, и Ивон уже не смогла сопротивляться сладким спазмам, что навалились на ее тело и выкрутили его в сладкой пытке. Она дернулась, словно мученица на костре, и с ее обнаженного плеча блеснула ослепительная белая вспышка.

Раздался воинственный клекот, рука короля взметнулась, защищаясь - и почти тотчас же опустилась. И магия схлынула с Ивон, оставила ее в блаженном покое.

Девушка, обессилев, повисла на руках удерживающих ее Фиолетовых, а на темном рукаве короля, вцепляясь в тол-

стую ткань его богатой одежды когтями, сидел ослепительно - белый сокол. Порождение магии.

Те непонятные узоры, что магическим тиснением были выдавлены в коже девушки, сложились в хищную птицу, что совалась с ее плеча наказать ее обидчика.

Но короля он отчего-то не тронул; напротив - король держал птицу так, словно был ее хозяином, и сокол смотрел на него яростным взглядом, воинственно раскрыв клюв.

- Да, - произнес король, рассматривая птицу, ероша перья на ее груди. - Девушка не лжет, она действительно потомок графа Уорвика. Надо же, какой сюрприз... Не думал, что он найдет в себе силы оставить после себя ростки жизни. Но я вижу, она без сил. Отведите девушку в ее покои. Ей нужно прийти в себя.

- Я выбыла? Выбыла из отбора?!

Голос Ивон испуганно дрожал, и она сама не могла понять, отчего ее так пугает эта перспектива, которой она еще совсем недавно желала всем сердцем.

Раньше ей казалось, что проигрыш и ее позорное изгнание из дворца - это оптимальный выход из сложившейся ситуации. Не придется лгать, не придется подвергаться опасности, и возвращаться к матери и Жанне не придется тоже. Но теперь... припоминая свой стыд и оглушительный ужас, магические ласки и взгляд короля - пронзительный, проникающий в самую душу и ласкающий ее так же, как прикосновения невидимых магических пальцев, - Ивон вдруг поняла,

что жаждет этого еще.

Этого бьющего через край удовольствия и взгляда, который, казалось, упивался ее удовольствием, который подмечал самую крохотную тень эмоций, выписывающихся на лице Ивон. Странная магия... Ивон поняла, что ощутила себя единым целым с королем. Он проник в ее разум, в ее кровь, завладел всем ее существом, занял все ее мысли.

И теперь девушка с содроганием думала о том, что ей, вероятно, придется покинуть дворец и никогда больше не видеть его - зеленоглазого короля.

- Нет, - глухо ответил Фиолетовый. И замолчал, словно слова давались ему с трудом.

Ивон приподнялась на ложе и осмотрелась.

После испытания, что устроил ей король, Фиолетовые принесли ее сюда - в небольшую комнату, роскошно и богато убранную, и почтительно уложили на пышную постель. Перина была невероятно мягкая, и Ивон даже подумала, что даже в доме своей матери она не спала на более мягкой и удобной постели. Там ее местом был продавленный старый тюфяк...

А тут - надо же! - белые простыни, взбитые подушки. Окно с прозрачными стеклами, тонкие драпировки, изящная мебель, шкатулки у роскошного зеркала... и личный Фиолетовый Страж, который отчего-то стоял к ней, к Ивон, спиной, разглядывая что-то за окном так напряженно и неотрывно, будто от этого зависела его жизнь. Плечи его были

напряжены, а руки тискали стек с такой силой, что едва не переламывали его пополам.

- Король оставил меня здесь? Я прошла испытание? - осторожно спросила Ивон, наблюдая, как стек опасно изгибается, зажатый в дрожащих пальцах, затянутых в фиолетовые перчатки.

- Да, - ответил Фиолетовый. Голос его был спокоен, глух и ровен, но Ивон заметила, что плечи его вздрогнули, словно этот самый стек нещадно полоснул его по коже.

- Король остался недоволен тобой? - осторожно спросила Ивон.

- Нет, - снова кратко и словно нехотя ответил Фиолетовый.

- Тогда что с тобой? - удивилась Ивон. - Ты выглядишь так, будто тебя наказали.

- Ты понятия не имеешь, как я выгляжу, - внезапно огрызнулся Фиолетовый, круто разворачиваясь к девушке и встряхиваясь, избавляясь от гнетущего оцепенения. Его опущенные плечи расправились, он гордо вскинул голову. Его железная маска неприятно блеснула, и Ивон показалось, что из живого человека Фиолетовый снова превратился в бездушного металлического болвана. - И на твое счастье, понятия не имеешь, как выглядит наказанный королем человек. Но к делу; ты с честью выдержала испытание, король остался тобой доволен, а потому он дарует тебе право участвовать в отборе дальше и предоставляет тебе апартаменты, приличествующие королевской невесте. Здесь есть все, - Фиоле-

товый обвел комнату жестом, - что тебе понадобится. Перемена белья, горячая вода, одежда, - он отступил к шкафу, открыл лакированную дверцу, и потрясенная Ивон увидела платья из дорогих тканей, алый атлас с черным отливом и бархат. - Драгоценности, приличествующие твоему статусу, - Фиолетовый небрежно раскрыл несколько шкатулок, и у Ивон в глазах зарябило от обилия камней и золота. - Завтра тебя ждет новое испытание, поэтому ты должна быть готова. Король должен увидеть не голую замарашку, - Фиолетовый указал на жалкую рубашку Ивон, - а девушку из приличной семьи. И помни: никакой магии. Никаких порталов домой, к родным. Ни единого пасса рукой, пока тебе не разрешат - а не разрешат тебе еще очень долго. Король оказывает тебе доверие. Он принимает тебя в своем доме. Он является перед тобой без охраны, и не отгораживается защитным куполом. И тебя под замок не сажает. Так будь добра, оправдай его надежды. Иначе тебя ждет суровое наказание.

Последние слова прозвучали язвительно, и, хотя Фиолетовый почтительно поклонился, Ивон поняла, что он раздражен чем-то и хочет поскорее уйти, чтобы не наговорить большего. Интересно, почему он такой напряженный? Отчего такой недоброжелательный? Ведь он так хотел угодить королю - и это вышло, сам говорит, что король остался доволен! Так что же тогда?..

- Постой, - воскликнула Ивон, подскочив. - Не уходи так!.. Ей было странно, страшно и неловко оставаться одной в

этой богатой комнате, полной драгоценностей и прочих богатств. Ей не верилось, что всего этого богатства ей можно касаться, примерять. Ей нужно было время, чтобы освоиться и - да, как ни стыдно это признать! - чье-то разрешение, чтобы хотя бы усестся в изящное кресло перед зеркалом. В доме своей матери она не смела даже ее фальшивый перстень взять посмотреть поближе, хотя все прекрасно знали, что массивное кольцо - подделка, и блестит как золото лишь тогда, когда его тщательно натрешь помадой.

Фиолетовый, который уже направился к выходу, нехотя остановился и обернулся к Ивон.

- Вам что-то нужно? - притворно-вежливо поинтересовался он. - Моя помощь? Мне не разрешено проводить всю ночь в покоях госпожи. Так что лучше мне уйти поскорее.

- Госпожи! - повторила за ним Ивон. - Если я тебе госпожа и королевская гостя, то, наверное, ты должен слушаться моих приказов, не так ли?

Фиолетовый глухо усмехнулся.

- А вы быстро входите в роль, - произнес он.

- Я всего лишь хочу освоиться здесь и хоть немного привыкнуть, - тихо ответила Ивон. - Тебя я немного знаю, и мне спокойнее в твоём обществе.

- Прикажете держать вас за руку, чтоб не было страшно? - нет, этот Страж переходит все границы! С цепи он сорвался, что ли?!

- В этом замке найдется, кому меня поддержать за руку! - огрызнулась Ивон. - И не только за руку! Скажи мне - что это за игры устроил король со мной, да еще и при всех?

Страж ощутимо вздрогнул. Ревность?! Он ревнует к королю?! К тому, что он устроил?

- Он хотел разбудить твоего сокола, - сквозь зубы процедил Страж. - Герб оживает тогда, когда его носителю угрожает опасность. Король мог бы ударить тебя, так было бы намного быстрее, но он не бьет своих гостей, особенно - женщин. Поэтому он изобразил...

Слово «изнасилование» словно застряло в горле у Стража, он не мог и звука из себя выжать. Несколько мгновений он боролся с собой, скрежеща зубами, и Ивон оставалось только удивляться.

«Какой странный страж, - оторопев, подумала девушка. - Сначала ведет себя высокомерно и надменно, словно имеет какую-то власть надо мной, потом ревнует... Это не он меня, это я его должна воспитывать, потому что выдержки в нем нет ни на грош!»

- Он сделал вид, что на тебя напал мужчина, с известной целью, - зло проворчал Страж, кое-как совладав со своими чувствами. - Но ты долго боролась, делая вид, что ничего не происходит. Поэтому сокол не сразу отозвался.

- Не злись. Лучше ответь мне еще на несколько вопросов, - произнесла Ивон, когда Страж, упрямо сопящий под своей железной маской, немного успокоился. - Скажи, отчего ко-

роль проявил ко мне такое внимание?

- Это же очевидно, - едко ответил Фиолетовый. - Его привлекла твоя кровь. Твой род. Черты твоего лица показались ему знакомыми, он удивился, узнав, что ты наследница Уорвика.

- Чем так интересен мой род? - удивилась девушка. Фиолетовый снова непочтительно хмыкнул, и Ивон, глядя на его маску, так и представила, как железные губы разъезжаются в непочтительной ухмылке.

- А ты ничего не знаешь о собственном отце? - наигранно удивился он, снова переходя на непочтительное «ты».

- Это тебя не касается! - снова огрызнулась Ивон. - Свои едкие замечания оставь при себе, а мне потрудись отвечать на вопросы! Так что там с моим отцом?

- Полагаю, - ответил Фиолетовый преувеличенно почтительно - о, он не отказывался так просто от своей игры и продолжал дразнить Ивон! - он был одним из Фиолетовых. Твой герб на плече очень необычный и очень сильный, - Ивонглянула на свое плечо и увидела, что теперь тиснение на ее коже наполнено слепяще-белым светом. Король зажег, активировал ее герб, и теперь белая хищная птица могла сорваться и броситься в бой, защищая Ивон, в любой миг. - Такие гербы раздавал сам король, самым преданным своим слугам.

- Вот как, - удивленно произнесла Ивон, припоминая отца. В ее воспоминаниях это был озлобленный, опустившийся человек, разгульный образ которого истребил и его при-

родную красоту; ни особой стати, ни благородства в нем не осталось, как и не было. Да еще и бесславный конец...

- А у отца, значит, тоже был сокол на плече? - спросила она. - И мог защитить?

- Разумеется.

- Но мой отец погиб в пьяной драке, - удивленная, произнесла Ивон. - Почему его сокол его не спас?

- Полагаю, - зловеще ответил Страж, - твой отец не хотел, чтобы сокол его спасал. Он одурманил себя вином нарочно, чтобы герб остался глух и слеп к опасности.

- Но как... но зачем...

- Думаю, что твой отец, - едко произнес Страж, - чем-то провинился при дворе, коли король его отпустил и не разрешил носить фиолетовое. Был преданным слугой короля - стал никем. Жалкая доля!

- Ты не очень-то почтителен к невесте короля! - рыкнула Ивон. - Как ты смеешь так отзываться о моей родне?!

- А ты еще не невеста короля, - тут же отозвался Фиолетовый. - Ты только пытаешься ею стать. И еще ничем не заслужила почтения и уважения. А отец твой - и подавно. Так что не стоит мне дерзить, - он продемонстрировал девушке стек. - Пока что я стою выше тебя. И я тебя учу.

- Так учи, - огрызнулась Ивон, - а не издевайся!

- Я дал тебе задание, - голос Фиолетового Стража стал холодным и неприятным. - Отчего ты так невнимательна? Ты должна отдохнуть и привести себя в порядок, - повторил он

то, с чего начался этот странный разговор. - Завтра перед королем должна предстать не девчонка из деревни, пахнувшая навозом, а девица из приличной семьи, воспитанная и достойная королевского внимания.

- А что... к чему я должна быть готова? - спросила Ивон. - Куда король приглашает, на обед, на прогулку по парку? Как мне одеться?

- Наконец-то дельный вопрос, - усмехнулся Страж. - А не эти выяснения ничего не значащих событий прошлого... Король будет обедать со своими потенциальными невестами, - холодно ответил Страж. - И вести беседу. Постарайся не задавать своих глупых, наивных деревенских вопросов! Ни об отце, ни о том, что король с тобой делал. Тебя ведь учили чему-то? Вот, покажи свою образованность, свои манеры, свой ум, если таковой есть.

- Да как ты смеешь!..

- Смею; я буду стоять за тобой, и если ты не сможешь правильно пользоваться столовыми приборами, я тебе все руки иссеку! Это испытание ты тоже не должна провалить.

- Тебе-то что за выгода от того, сумею я дальше пройти или нет?

- Значит, есть, - сухо ответил он. - Девицы, попавшие в замок, редко его покидают.

- Как же так?! Ты же уверял, что король отпускает проигравших.

- Он их не держит; но они сами не хотят уходить. Они

всеми силами стараются занять какую-нибудь должность. И чем позже отсеется претендентка, тем большему она сумеет научиться, а значит, и больше пользы принесет. А мне за это заплатят. Ну все, достаточно болтовни. Уже покажи, на что ты способна.

Глава 3. Первое слушание

Жирная Жанна была ленива и даже в чем-то глупа. Когда дело касалось сложных решений, она таращила радостные глаза и уверяла, что сможет справиться с любой проблемой и с любым делом - от управления домом до управления государством. Но, разумеется, ни должных знаний, ни умений у нее не было. Одни лишь раздутые амбиции и огромное самомнение, граничащее с манией величия.

Сама себя Жанна видела чрезвычайно одаренной личностью. Избранной; ей казалось, что она рождена для того, чтобы люди перед ней склонялись, потому что она... да просто потому что она - это она!

Магией Жанна тоже не особенно занималась. Это же надо читать ученые книги, запоминать заклятья, ингредиенты смешивать... Нет, это было совершенно невозможно.

Но все же одно заклятье она освоила в совершенстве, и то потому, что с его помощью можно было помучить жертву.

Карабкаясь на башню, под обветшалой крышей которой грустно выл ветер, Жанна сжимала в потной ладошке сережки Ивон. Две капельки золота, украшенные семью камешками. Они были хорошенькие, эти две крохотные золотые снежинки, и Жанне было их жаль. Но желание увидеть сестру и разузнать из первых уст подробно все, что происходит в королевском замке, было сильнее ее жадности.

Еще при себе у Жанны было белое недошитое свадебное платье, чулки и фата невесты. Эти вещи она тайком готовила к предстоящему бракосочетанию и время от времени надевала, любуясь своим отражением в старых, треснувших зеркалах. Она стащила у матери пару жемчужных коле, распустила их и украсила молочно-белыми жемчужинами вышивку на шелковом корсаже. В венок невесты, сделанный из белых шелковых роз, она вшила крохотные бриллиантики, выколупанные тайком из старой диадемы.

Распотрошив несколько нарядных ночных чепцов матери, Жанна раздобыла из них тонкие атласные ленты и ими украсила подвязки невесты.

На башне же Жанна пряталась по одной простой причине: она владела запретным заклятьем сильного магического призыва, и если сильно старалась - могла вызвать кого угодно, пусть даже и с того света.

Для того ей нужна была вещь, принадлежащая вызываемому существу, и чем она была дороже в свое время хозяину, тем лучше. Для этого-то Жанна и стаскивала с пальцев родственниц колечки и вынимала из их ушек серьги; иногда ей доставляло удовольствие пугать их, призывая глухой ночью в старую пыльную башню. Спросонья девицы не понимали, где они очутились, а подвыпившая Жанна, прячась в темноте, завывала жутким голосом и радостно хохотала, слушая, как верещат ее жертвы и мечутся по захламленному пыльному закутку.

Сейчас же ей интересно было, выжила Ивон или нет. И если выжила - то каково ей пришлось в королевском замке? Мучили, били? И сильно ли лют король?

А за одним, ну, кроме расспросов, Жанне страсть как хотелось поиздеваться над родственницей, демонстрируя ей свой роскошный подвенечный наряд и дразнясь, говоря, что плоды трудов Ивон пожнет именно она, Жанна.

Шепча слова заклятья, Жанна кинула сережку в священный сосуд и смотрела, как та с каждым словом растворяется в прозрачной воде. Как следует глотнув красного винца из бутылки, Жанна опустила на лицо фату, слегка грязноватую от постоянных примерок на пыльном чердаке, и пробубнила финальные слова заклятья.

Поднявшийся магический вихрь поднял пыль на дощатом рассохшемся полу, всколыхнул пламя на черных свечах, бросил в лицо Жанне старую серую паутину.

Жирная Жанна от нее только отмахнулась своей фатой и еще раз глотнула из бутылки. Вино приятным теплом полилось по ее горлу, придавая уверенности в собственном великолепии, и Жанна насмешливо зафыркала, в серых магических тенях узнав складывающиеся из ничего черты удивленной и перепуганной родственницы.

- Жанна? - удивленно пробормотала Ивон, увидев перед собой маячащий белый толстый силуэт. - Что ты тут делаешь?..

- Это ты тут делаешь, - грубо прервала ее сестрица, снова

прикладываясь к бутылю. - Я вызвала тебя!

Жанна взглядом победительницы окинула Ивон - и тотчас же сморщилась: сестра не выглядела не измученной, не избитой. Наоборот: кажется, во дворце ей было даже лучше, чем в родном доме!

Ее волосы были отмыты, красиво причесаны и отливали темным медовым цветом. Красивое платье на ней было из яркого алого атласа, с открытыми плечами, с грудью, соблазнительно выставленной напоказ!

И в ушах сережки, да такие, что у Жанны от зависти голова закружилась, и она злобно сжала зубы, чтобы не выпустить ни звука, выдающего ее злость и разочарование! Длинные подвески из белого благородного золота, сплошь блестящие бриллиантовой россыпью, словно перья цапель в росе, оброненные на солнечном лугу! Ах, красота какая! Королевская роскошь!

- Ты с ума сошла?! - закричала перепуганная Ивон, оглядываясь кругом и узнавая заброшенную башню, где детьми играли все отпрыски Уорвика. - Мне нельзя! Нельзя отлучаться из дворца! Меня об этом специально предупредили - никаких отлучек домой, никакой магии! За это последует наказание! Если меня поймают...

Горло Ивон перехватил нервный спазм, губы ее задрожали от страха и подступающих слез. Фиолетовый страж предупредил, что придет за ней через четверть часа, чтобы сопроводить ее на прием к королю. Время это уже почти истек-

ло; и Ивон похолодела от ужаса, понимая, что Страж сейчас в любой момент может зайти в ее комнату, а там мало того, что ее нет, так еще и пахнет магией! Что последует за это послушание? Королевские люди знают, где искать ее, Ивон. И Жанна с матерью, разумеется, на нее пальцами покажут.

- Они же казнят меня за то, что я посмела послушаться короля! - выдохнула Ивон, умирая от страха. - Просто казнят! Они подумают, что я недоброе замыслила и пробралась во дворец, чтобы причинить вред королю! Иначе зачем мне слушаться его и сбегать?! Что же ты натворила, Жанна?!

Жанна, невинно хлопая ресницами, улыбнулась во весь рот.

- Да что такого-то? - невинно и звонко, как ребенок, спросила она. - Скажешь, что захотела повидаться с родными.

- Это запрещено! - выкрикнула Ивон. - Ты что, не понимаешь?! Меня... меня самое малое высекут кнутом! Верни меня обратно сейчас же!

Но Жанна этого делать не спешила; все с той же широкой улыбкой она молча хлопала глазами, слушая плач Ивон, и на улыбающемся лице ее было запечатлено совершенно миролюбивое выражение. Как у ребенка, который искренне не понимает последствий, или как у безумца, который и в смерти не видит ничего дурного.

Жанна искренне наслаждалась ужасом и отчаянием, объявшими Ивон.

Ей было приятно видеть, как сестра, находящаяся полно-

стью в ее власти, бьется и не находит выхода, словно бабочка, увязшая в паутине. А Жанна в этот миг походила на человека, который с любопытством наблюдал эту агонию, и пальцем хладнокровно и жестоко подталкивал пленницу к подкрадывающемуся пауку.

Чтобы посмотреть, как тот ее будет есть.

- Да что такого-то, - наивно и легко прощбетала улыбающаяся Жанна в который раз, когда изнемогшая Ивон, уставшая вырываться из пут пленившей ее магии, упала на пол и горько зарыдала.

- Пожалуйста, - всхлипывала Ивон, отирая мокрое лицо, - отпусти меня... Ты не представляешь, как там страшно, в этом королевском дворце. Ко мне приставлен страж, он за мной следит. И если он узнает, что я была дома... что я без разрешения... он меня иссечет до крови! А что сделает король, и подумать страшно! Ты же знаешь - он строг! Он не сделает для меня поблажки, даже если я и скажу ему, что всего лишь была дома, в семье!

- Да не ври ты, - зло выплюнула Жанна. - Не так уж там плохо, и король наверняка к тебе хорошо относится. Смотри - тебя отмыли, вон какое платье красивое дали... сережки...

- Сережки, - горько прорыдала дрожащая от страха Ивон. - За эти сережки они с меня кожу живьем спустят! Ну, пожалуйста... это же для тебя! Ты же сама хотела, чтобы я прошла этот отбор! Зачем же ты сейчас это делаешь, зачем мешаешь мне? Если меня накажут, если я не пройду, ты же первая ме-

ня поколотишь!

Черные брови Жанны грозно сошлись на переносице.

- Конечно, поколочу, - с нехорошим удовлетворением в голосе произнесла она. - Потому что нечего свои ошибки оправдывать тем, что я тебя домой вызвала! Не придумывай, не может быть во дворце таких дурацких правил. Ты же невеста, а не пленница! Давай, говори, что там. Король-то красивый?

- Я не знаю, - горько прошептала Ивон, стирая с глаз каляющиеся слезы. - Я не видела его лица.

Жанна побагровела от ярости.

- Ты посмотри, какая она сука! - выпалила толстуха, яростно топнув в пол так, что ее необъятные окорока, обтянутые белыми кружевными чулками, заходили ходуном. - Вот ты сейчас нарочно меня злишь! Нарочно! Специально делаешь все так, чтобы я злилась и орала! Что тебе стоит сказать?! Ты специально меня дразнишь, дрянь!

Магических способностей Жанны было достаточно и для того, чтобы прорваться сквозь ею же сотворенные магические путы и вцепиться в волосы Ивон.

- Я тебе покажу, - пыхтела Жанна, трепля сестрицу, - как меня доводить...

Она вознамерилась подтащить рыдающую Ивон к ящикам в углу и как следует поколотить ее головой, желательно лицом, об эти самые ящики. Разум сквозь алкогольную ярость все же подсказывал ей, что изуродованная Ивон вряд ли по-

нравится королю, а значит, и отбор проиграет. Но жажда мести - за свою неряшливость, некрасивость и неудачливость в любовных делах, - была выше желания Жанны стать королевой. В конце концов, даже корона не изменит того, что у нее, у Жанны, в отличие от Ивон, пузо весит пуд, и ляжки что у твоей свиньи!

А значит, Ивон должна заплатить, что именно ей от природы достался краткий нрав, тонкий стан и роскошные темные волосы!

Но не успела Жанна как следует намотать волосы сестры на свой жирный кулак, как откуда-то сверху раздался грозный клекот, и белая молния, неизвестно откуда взявшаяся под крышей старой башни, ударила Жирную Жанну прямо в загривок.

Та осела, распустив толстые пальцы и раскрыв в изумление рот. Откуда-то сзади, из рассеченного затылка и жирной холки полила темная нездоровая кровь - обильно, быстро, - и Жанна, мазнув по шее рукой, поднеся к глазам испачканные пальцы, заорала, как резанная.

- Ты убила меня! - вопила Жанна. - Ты убила!..

Клекот сверху повторился, и Жанна, подняв вверх налитые кровью глаза, с изумлением увидела белоснежного сокола, усевшегося на балку и крутящего головой. Хищная птица разинула окровавленный клюв, леденящий кровь крик повторился, и Жанна поняла, что сокол сейчас ударит еще раз. А потом еще и еще, так же беспощадно, как она до этого мо-

мента трепала и мучила Ивон.

- Что это такое?! - заверещала Жанна. - Ведьма! Откуда ты взяла его?!

- Это мой герб, - ответила Ивон, кое-как поднимаясь на ноги. Магия Жанны все еще удерживала ее, но девушка смогла поднять руку, и сокол, повинувшись хозяйке, слетел вниз и уселся на ее предплечье, прихватив алые шелка окровавленными когтями. - Тот, что на плече. Он защищает меня. Сейчас же верни меня во дворец, - голос ее окреп, - или я велю ему еще раз атаковать тебя.

- Да черта с два! - выкрикнула Жанна, ухватив себя за жирное плечо. - У меня такой же! Если твой умеет драться, то и мой тоже!..

Но ее герб был тих и неподвижен. Может, оттого, что Жанна, изумленная нападением, до конца не могла поверить в то, что забитая Ивон на это решилась, а может потому, что ее разум, одурманенный алкоголем, не воспринимал угрозу как настоящую.

...Ведь графу Уорвику удалось усыпить свой герб и погибнуть от шального ножа?..

- Ну? - грозно выкрикнула Ивон, поднимая руку и тревожа сокола. - Возвращай - или я спущу его!

Жирная Жанна, крихтя, кое как уселась на толстый зад. Белое платье ее, фата - все было бесповоротно погублено, залито кровью и растерзано птичьими когтями. Еще и бутылка разбилась... Жанна трясущимися губами прочла заклятье,

распутывающее магические потоки, притащившие сестру в башню, и та исчезла вместе со своим белым дьявольским соколом.

А Жанна осталась одна - побитая, растрепанная, без свадебного платья и без одной золотой сережки в виде снежинки...

Магический вихрь, раскрутив, бросил Ивон на пол, и она пребольно ударилась коленями и локтями о лакированный паркет. Сокол давно вернулся на плечо; герб горел воинственным белым светом, Ивон чувствовала вкус крови Жанны... и непереносимый ужас, потому что вокруг нее разливался тонкий, но очень хорошо уловимый запах магии, аромат свежей хвои и дождя.

Она подскочила, утирая слезы, кинулась к окну, распахнула его, чтобы свежий ветер вымыл из комнаты запах магии. Наивное полудетское заблуждение! Такими трюками было не обмануть даже мать!

Затем девушка схватилась за свои волосы, дрожащими ладонями ощупала платье. И прическа, и наряд были испорчены; капли крови украшали атласный рукав. Шпильки, удерживающие волосы, все рассыпались и потерялись, и Ивон совершенно не была готова к выходу!

Более того - она вдруг ощутила отвращение к нарядному алому платью, которое выбирала с таким тщанием, предвкушая, как получит еще один внимательный взгляд от короля. Теперь ей было стыдно за свою попытку обратить на се-

бя внимание, к своим обнаженным плечам и открытой груди она испытывала лютое отвращение, понимая, что таким образом хотела предложить себя королю, как яство на блюде.

Готовая на все, бесстыдная и безвольная в своей покорности.

И еще - она вдруг явственно поняла, что даже если король ее возьмет, если даже он решит с ней честно разделить постель, жизнь и трон, все ее усилия пропадут даром, ведь плоды пожнет Жанна, совершив коварную подмену в день свадьбы.

В этом Ивон даже не сомневалась; теперь, воочию убедившись, что Жанна в любой момент может призвать ее домой, Ивон поняла, что у нее нет ни единого шанса защититься от этого колдовства, и Жанна стащит ее даже от алтаря, даже из супружеской спальни, а заменит собой...

- Это все не для меня, - рычала она яростно, заливаясь горькими слезами отчаяния, вырывая из волос последние шпильки, - это для Жанны! Для того, чтобы обмануть короля! Все в этом мире для Жанны и ее желаний! И даже я существую, чтобы ей прислуживать! Но черта с два я продолжу потакать ее капризам!

Она распустила вычурно прибранные волосы, яростно пригладила их щеткой. Сорвала испорченное алое платье и решительно раскрыла шкаф.

- Потемнее, - пыхтела она яростно, перебирая там наряды.
- Поскромнее! Чтобы король и пальчика не увидел! Чтобы

ему не понравилась «Жанна», потому что нечему там нравиться! Пусть смотрит на других!

На пол летели пестрые шелка и бархат, пока пальцы Ивон не наткнулись на темно-серую плотную ткань, и ее словно молнией ударило.

Это платье не висело особняком, и не было упрятано в дальний угол. Как и легкие шелковые, оно было предложено со всеми наравне, но у него, в отличие от ярких пестрых бальных нарядов, было слишком мало шансов быть надетым.

Темные, благородные, тяжелые материалы; набитый бледный рисунок на длинной широкой серебристо-серой юбке, словно тонкие прожилки под плотной кожей сложенных огромных крыльев. Спереди, от талии и до самого подола - алые растрепанные цветы, нашитые из украшенного блестками материала. Бессмертники, старый, забытый всеми символ. Они не были приукрашены, они были изображены очень реалистично и казались настоящими, веткой, брошенной на серый гранит.

Когда-то кто-то рассказал маленькой Ивон, что бессмертники украшали гербы древних и могучих королей, ведущих свой род от драконов. И она, маленькая, овеванная сказками, засыпала в своей постельке, глядя через окно в ночное апрельское холодное небо, и мечтала когда-нибудь увидеть хотя бы тень бессмертника на обломке камня...

«Вот и сбылось», - подумала она, зачарованная, разглаживая пальцами искусное шитье, повторяя каждую строчку

пальцами, словно там, в нашитых серыми крепкими нитками жилках на ткани, она хотела уловить биение крови спящего исполина.

Высокий строгий ворот, плотно обхватывающий шею, расшитый изящной тонкой вышивкой, словно страницы древней книги непонятными письменами.

Рукава, плотно обхватывающие руку, из алого, как кровь, материала, сшитые так, что казались чешуйчатыми, и яркая алая вставка-стомак спереди, украшенная тонкими металлическими черными пластинами, словно изящным переплетением мертвых ветвей с острыми шипами.

Ивон даже не подумала, что можно надеть что-то иное. После того, как она коснулась этого платья, этой старинной древней легенды, она даже не помыслила о том, что можно снова выставить обнаженные плечи и грудь и увешать себя грудой холодно блестящих бриллиантов.

Ее руки сами выбрали скромный темный венец-обруч из черненого серебра с лавандовыми камнями. Пальцы на плечах застегнули тугие замки-застежки, удерживающие плащ, свободно ниспадающий до самого пола.

Облачившись в это необычное одеяние, Ивон почувствовала себя почему-то уверенней и спокойнее, словно под защитой древних символов. Платье село на нее как влитое, и Ивон, рассматривая в зеркало игру света на багровых и серых тканях, чувствовала себя отчего-то красивее, чем когда-либо.

От платья тоже пахло магией, чуть уловимо, будто та когда-то запуталась в складках этого платья, да там и осталась. Ивон не знала, так ли это на самом деле, или платье защищает ее, словно доспехи воина, от первого удара - а он не заставил себя долго ждать.

Едва Ивон закончила с приготовлениями, как двери раскрылись и вошел Фиолетовый страж. Девушка обернулась к нему - и он замер, пораженный увиденным.

Изумление на его лице было скрыто маской, но в руках, в опустившихся плечах, в замерших на полушаге ногах оно было видно так отчетливо, что и Ивон не смогла скрыть своего волнения.

- Что? - тихо проговорила она, нервно разглаживая корсаж, плотно обхватывающий ее талию. - Этого нельзя было надевать?..

Фиолетовый Страж вздрогнул, тряхнул головой, прогоняя оторопь.

- Ты вольна надевать все, что пожелаешь, - произнес он немного резко, но изо всех сил стараясь скрыть свое недовольство. - Но мне кажется, ты не честна.

- Что?.. - удивилась Ивон. - Что ты имеешь в виду?

- Я чувствую запах магии, - уже зло произнес Страж. Он сделал шаг вперед, его черный крепкий стек неуважительно уперся в грудь девушки, в алую ткань, меж черными переплетенными ветвями. - Ты ворожила? Ты не сама выбрала

этот наряд, магия тебе подсказала? Это запрещено. Я же говорил тебе - никакой магии. Ты должна демонстрировать себя, свои вкусы, предпочтения, а не свои умения подслушивать и обманывать. Что магия тебе нашептала? На чем основывается твой выбор?

Голос фиолетового становился все неприятнее, все вышемернее и злее, стек похлопывал по груди Ивон так, что ужатая девушка на миг ощутила себя голой.

- Я не ворожила! - воскликнула она яростно и отчаянно, и отмахнулась от стека, как от руки насильника, пытающейся обшарить, обтискать ее.

Раздался металлический лязг.

Ивон не поняла, как, но из плотной чешуйчатой ткани ее рукава вдруг выскользнул стилет, тонкое узкое лезвие, с легкостью перерубившее оружие Фиолетового Стража. Сделав свое дело, стилет с тем же лязгов скрылся, втянулся обратно, молниеносно, неуловимо. Потрясенная Ивон опустила руку, а фиолетовый отступил, сжимая в руке бесполезный обрубок.

- А роза-то с шипами, - пробормотал Фиолетовый. - Ты наколдовала себе оружие? Но зачем?.. Безумная, ты понимаешь, что в таком виде я не имею права тебя вести к королю? Ты проиграла свой отбор. Ты можешь прямо сейчас передать через меня свои признания в жульничестве, в использовании магией, искренние извинения и попросить о помиловании. В попытку покушения на короля я, конечно, не верю, хотя об

этом я доложу ему в первую очередь. Надеюсь, король будет милостив к тебе. Вероятно, даже не сильно искалечит. Так, отсечет руку, посмевшую на него подняться.

- Я ничего не колдовала! - Ивон топнула ногой. - И каяться мне не в чем! И не тебе решать, проиграла я отбор или нет!

- Я не имею права вести тебя к королю вооруженную, - усмехнулся Фиолетовый.

- Ты поведешь меня к королю вооруженную, - упрямо склонив голову, ответила Ивон. - Это не моя магия, не мое оружие, все дело в платье. А платье висело тут. Значит, король допускает мысль, что в нем кто-то может к нему явиться, и не боится этого.

- Я не верю тебе! - огрызнулся Фиолетовый. - Дочь Уорвика!

Ее родовое имя Фиолетовый выплюнул с особой ненавистью, и Ивон расхохоталась неожиданно для самой себя.

- Что?! - воскликнула она. - Все дело в отце? В моём имени? Ты знал моего отца? Дорогу он тебе перешел?! Занял место, на которое ты сам метил? Я заметила, как ты переменялся, когда король благосклонно повел себя по отношению ко мне, хотя отец, кажется, был изгнан им?! Ты что, ожидал, что король будет ко мне суров и зол? Хотел, чтобы он погромче назвал мое имя и при всех растерзал, покарал меня? О, я вижу - ты хотел бы этого!

- Замолчи! - задушено выдохнул Фиолетовый, отступая от Ивон, словно она была не тонкой, хрупкой девушкой, а ис-

чадием ада. - Просто замолчи, не смей так говорить!

- Ты, верный слуга короля, - продолжала насмехаться над ним Ивон. - Иди, скажи ему о моем выборе платья, и скажи, что твое сердце дрожит от ужаса, потому что в рукаве у меня нож. Интересно, король разделит твой ужас? Запрется в своих покоях? Выждет, пока меня не выставят прочь, и только тогда выйдет из-под замка? И ты отпустишь меня в люди, чтобы я рассказывала всем, что могучий Железный король, окруженный охраной, боится девчонки с ножом в рукаве?

Это было последней каплей.

С ревом Фиолетовый налетел на Ивон, позабыв об опасности, припечатал ее к стене, сжал грубыми руками ее тонкие запястья, распластал девушку под собой, прижавшись всем телом, будто ожидая от нее смертельного удара, готовый принять его.

Но платье осталось платьем. И даже упомянутый стилет не выскользнул из рукава - ничего. А перепуганная Ивон ощутила на себе вес тела мужчины, ощутила его жар и дрожь, его звериное, неистовое, вырывающееся из-под контроля желание.

Сквозь прорези в его маске девушка увидела горящие магическим светом глаза, зеленые, как изумруды. Они были безумны; словно тысячу лет Фиолетовый сдерживал себя, не позволял простым человеческим страстям гореть в своей душе, а они там тлели и жгли его, пока не выплеснулись этой стремительной, яростной вспышкой наружу.

Он жадно прижимался к девушке, к ее тонким кистям рук, к ее шее, к ее лицу, и не потому, что хотел уличить ее в магии. Он жадно впитывал ее запах, аромат ее юного женского тела, которое - Ивон это точно видела! - хотел просто растерзать, разорвать, растрепать, вынуть из строгого платья, присвоить себе.

- Ты очень долго жил взаперти, - отчего-то вдруг произнесла Ивон, разглядывая железную маску, склонившуюся над ней. Ее тонкий пальчик чуть коснулся металлической острой брови, кое-как изображенной на металле грубыми насечками. - Покажи мне свое лицо. Или это тоже запрещено королем?.. Тебе нельзя думать о себе, о своей жизни, о своих чувствах? Король тебе запрещает смотреть на женщин? Продолжать свой род?..

- Нет, - глухо ответил Фиолетовый, шумно дыша, словно там, под маской, ему не хватало воздуха. - Запрета на это нет.

- Тогда что же?

- Я должен посвятить свою жизнь и все свои силы делу служения королю! - прошептал Фиолетовый, страстно сжимая руки Ивон. - Я должен быть беспристрастен. Я должен делать то, что выгодно королю. За этой маской должны быть похоронены мои чувства и личное... все личное...

Он сглотнул душащий его ком и продолжил:

- Но тут являешься ты!.. Какая злая ирония... Именно ко мне! Дочь предателя Уорвика! И король выделяет тебя из всех и одаривает своей милостью, как будто ничего и не бы-

ло!..

- Что же такое натворил мой отец?!

- Если он постыдился своей семье рассказать, - огрызнулся Фиолетовый, грубо встряхнув девушку. - то наверняка ничего хорошего, не так ли? Не спрашивай меня; я не хочу об этом говорить, чтобы не тревожить старые раны. Они нестерпимо болят и заставят меня ненавидеть тебя еще больше!

- Ненавидеть? Ты ненавидишь меня?

Фиолетовый смолчал, судорожно вздохнув.

- Нет, - ответил он ровным голосом, взяв себя в руки. - Это не ненависть. Просто временная слабость. Но ты должна знать: ни одно из твоих колких слов не имеет никакого значения. К королю я поведу тебя со скованными руками. Он узнает обо всем - и о запахе магии в твоей комнате, и о стилете. От тебя, от твоей крови добра не жди. От предателей не родится ничего доброго! Я выдам тебя, все твои нечестные ухищрения и подлые уловки. И я это сделаю не потому, что не питаю к тебе симпатии, а потому что обязан. Тебя наверняка выгонят из дворца с позором. Ты, твоё семейство - оно должно понести заслуженное наказание. Все должны знать, что вы подлецы, лжецы и предадите ни за грош.

- И ты не снимешь свою маску? - снова вдруг произнесла Ивон, перебив его речь, полную яда. Тот снова замолк, чувства, горящие в его груди, душили его.

- Ты хуже своего отца! - выдохнул он. - Хочешь видеть

лицо человека, которого потом ужалишь в самое сердце, напоишь своим ядом предательства?

Ивон смолчала, и Фиолетовый, поколебавшись миг, отпустил ее руку и взялся за свою маску.

На фиолетовой грубой коже его перчатки блеснули серебряные кольца, наверняка какие-то родовые печати. Ивон даже могла пересчитать все стежки, которыми была прошита его перчатка - так близко Страж был к ней.

Он аккуратно потянул маску вверх, из-под темного металла показался его подбородок, крепко сжатые губы. Страж с заметным усилием сдернул тяжелую металлическую вещь с себя, встряхнул упавшими на плечи темными волосами, и недружелюбно глянул в лицо девушки.

Под темным металлом, оказывается, скрывался совсем молодой, привлекательный человек, с яркими мистическими глазами, с раскрасневшимися губами, оттого что долгое время приходилось проводить в душной маске.

Фиолетовый Страж удивил и поразил девушку в самое сердце, может, оттого, что жизнь Ивон была лишена ярких красок, или оттого, что большинство времени ей приходилось общаться с людьми простыми, грубыми.

Ее брат, Вольдемар, тоже был потомком Уорвика, в нем текла благородная кровь графа, в этом не было ни малейшего сомнения, но он слишком многое взял от матери, и слишком мало - от отца. У Вольдемара было круглое, толстогубое лицо, маленькие, невнятного цвета глазки, жирный, густой

смех и темные курчавые волосы, плотной подушкой лежащие на голове.

Обычный человек.

Он был толстоватый и неуклюжий, как крестьянин с вилами в свином загоне.

А Фиолетовый...

Ивон даже закусила губу от обиды, потому что вдруг увидела себя его глазами.

Глупая деревенская девчонка, не умеющая одеваться, держаться в обществе, невоспитанная и неотесанная. Да, ей говорили, что она красивая, но красота ее была не огранена, и наверное, поэтому Фиолетовый так пренебрежительно к ней относится?..

А хотелось, чтоб в его зеленых колдовских глазах было побольше уважения! Король? Что король, он был слишком недосыгаем, и перспектива стать королевой - слишком туманна. А Фиолетовый был здесь, рядом, так близко. И еще неизвестно, что скрывается под маской короля. А вот Фиолетовый - вот он, и он чертовски хорош собой! Даже то, что в его чертах был запечатлен гнев, в темные брови сурово хмурились, он все равно был красивее всех, кого Ивон видела в своей жизни.

- Ты странный, - произнесла она медленно, сама не зная почему касаясь пальцами его четко очерченных скул, его по-юношески гладких щек, чувственно изогнутых губ. - Ты здесь, во дворце, полон необычной магии, которая заставля-

ет сиять твои глаза, ты молод, красив, обласкан королем... и все это время ты ненавидишь и завидуешь человеку, который был изгнан, спился, опустился и давно умер? Тебя, наверное, и на свете-то этом не было, когда он совершил то, что совершил. Но ненависть к нему...

Миг ласки был полон тишины и странного, недоверчивого, тайного наслаждения. Ресницы на зеленых глазах Фиолетового дрогнули, этим нечаянным трепетом выдавая его секундную слабость, его тайное, глубоко упрятанное желание раствориться в нежном женском прикосновении. Еще миг - и его губы оказались близко-близко, так, что Ивон могла бы их коснуться своими. Она ощутила дыхание мужчины - горьковатый запах моря, дождя и хвои, - и у нее закружилась голова от ощущения покоя и тайны, укрытой от посторонних глаз.

Но стоило ей потянуться к мужчине, как он отпрянул от нее, как от огня, стряхивая магическое очарование, отталкивая всеми силами то прекрасное, что только что проскользнуло между ними.

Фиолетовый ответил Ивон на нее странный порыв громким хохотом, будто был доволен тем, что ему удалось так за просто приманить ее к себе поближе и вынудить на такую доверчивую, наивную откровенность. Блеснули острые, нечеловеческие зубы за яркими свежими губами.

- Глупая девчонка, - произнес он со смехом. - Что ты вообще знаешь о месте, в которое попало? Меня не было в помине?.. Я молод?.. Да я лично изгонял твоего папашу вон! Я

наподдал ему пинка напоследок, как паршивой собаке. Я!..

От злости его трясло, и Фиолетовый поспешил надеть свою маску, чтобы вместо одержимой ярости Ивон видела только металлические равнодушные черты.

- Руки! - резко выкрикнул он, грубо дернув девушку за запястья. - Дай их сюда! Я свяжу их путами, которые развязать сможет только король, если посчитает это нужным и допустимым. И достаточно уже лезть мне под кожу. Запомни: я не изменю своего мнения о вашей семейке, я не изменю своего отношения к тебе. Я буду зорко за тобой приглядывать, если ты вдруг по какой-то причине останешься тут, во дворце. И я не прощу тебе ни единой ошибки, не дам тебе ни малейшего шанса сотворить зло!

В королевскую столовую Фиолетовый страж втолкнул Ивон, словно сопровождал ее не на званый обед, а на плаху, и она едва не упала, запутавшись в своей серой тяжелой юбке. Скованные руки не позволяли ей двигаться легко и удержаться после толчка, Фиолетовый поймал ее под локоть, чтобы королевская невеста не растянулась при всех на полу у стола.

У огромного длинного стола, во главе которого сидел король, а по обеим сторонам от его рук - невесты, разряженные в пух и прах. Ни одна из них не упустила шанса предстать перед королем во всем блеске. Все они выбрали самые изящные, самые яркие платья и самые блестящие драгоценности. Их волосы были украшены живыми цветами, платья -

цветами шелковыми, из лент, но это были сплошь розы или кокетливые ландыши. И не было ни единого растрепанного бессмертника.

«Вот было бы стыда!» - мрачно думала Ивон, пряча взгляд от любопытствующих невест.

Неспешно Ивон и Фиолетовый Страж шествовали мимо девушек, ярких, как цветы в оранжерее, сидящих на высоких резных стульях из черного дерева вдоль длинного стола. Скованные руки Ивон не укрылись от внимательных взглядов короля и королевских невест. Удивленные и ехидные шепотки вспорхнули над длинным столом, крытым белой скатертью, и Ивон склонила голову, багровея от стыда. Фиолетовый вел ее как преступницу, и ее унижение видели все. Соперницы, оглядывая ее темный, строгий наряд, уже торжествовали победу над еще одной кандидаткой в королевы.

- Какой чудесный наряд, - похвалил меж тем король, осматривая платье Ивон. Девицы за столом забеспокоились, тревожно переглядываясь и оправляя свои откровенные платья. - Цветок дикого, колючего шиповника... Как давно мои глаза не видели ничего прекраснее и поэтичнее! Валиант, - он обернул свое металлическое невыразительное лицо к Фиолетовому, - а почему у девицы Уорвик скованны руки?..

Фиолетовый поклонился - неспешно и с достоинством, - и медленно поднял тяжелую голову в металлической маске.

- Ваше Величество, - прогудел он. - Вы знаете, я счастлив служить вам всей душой. И был бы безмерно счастлив, если

б именно моя подопечная и воспитанница стала вашей верной королевой. Но, боюсь, я вынужден сообщить вам о своем поражении. Девушка позволила себе нарушить правила. Это мой несмываемый позор.

- Вот как? - удивленно произнес король. Его тонкие сильные пальцы выбивали нервную дробь по столу, и Фиолетовый Страж - Валиант, - снова склонил голову.

- Ваше Величество, девушка сильно провинилась, - ответил Валиант.

- В чем же?

- Когда я пришел в ее покои, там пахло магией. Она не подчинилась правилам, она ворожила.

- Так это естественно, - небрежно заметил король. - Платье цветка шиповника. От них всегда хорошо пахнет. Думаю, ворожба тут не причем.

- Еще у нее в рукаве оружие, - поспешил добавить Валиант. - Я не знаю, откуда она взяла его, но она вооружена. Это опасно для вас, Ваше Величество.

- А! - произнес король. - Полагаю, изящный, элегантный дамский стилет? Это так красиво и так смертоносно.

- Да, Ваше Величество! - подтвердил Валиант. - Но откуда вы...

- Мы же разбудили ее сокола, - напомнил король. - Платье магическое; ее сокол будет защищать ее и спрятанный от всего мира. Ты просто никогда не встречал дам, наряженных в эти древние платья, - король тихо рассмеялся, взял пустой

бокал на высокой ножке и собственноручно изволил налить в него вина, красного, как кровь. - Ну же, девица Уорвик, поди сюда. Сядь рядом со мной; я хочу как следует рассмотреть тебя. Ах, как ты меня приятно удивила!

Ивон с достоинством прошла мимо притихших, завидующих соперниц, и Валиант должен был отодвинуть стул и помочь ей сесть рядом с королем.

- Вы прекрасны, - произнес король совершенно искренне. - Ваша ослепительная юность, которой я мог любоваться в прежнюю нашу встречу, безусловно, чудесна, но сейчас вы порадовал мои глаза намного больше. Это не просто прелести, выставленные напоказ; и не только тонкий вкус, без которого вы бы никогда этого наряда не выбрали. Это великая дань уважения ко мне, к моим предкам, и к нашим традициям. Спасибо. Это очень дорого стоит.

Ивон положила на белую скатерть свои скованные золотыми магическими путами руки, и король коснулся ее запястий, снимая заклятье.

Рука короля была необычайно ласковой. Ивон вздохнула с облегчением, когда ощутила на своей коже его теплое прикосновение, нежнее и приятнее которого она давно ничего не испытывала. Казалось, что в свои жесты, в свои прикосновения, в свои слова король добавляет каплю магии, как цветы добавляют аромат в свой нектар, чтобы привлечь бабочек. И противиться королевской магии сил не было; его обаяние очаровывало Ивон, и она следовала взглядом за всяким дви-

жением таинственного человека в металлической маске.

- Ваше Величество, - гудел за ее спиной зловредный Валиант, - но магией пахло недопустимо. Не как сейчас. Девушка наверняка ворожила. А это...

- А мы спросим у нее самой, - озорно произнес король - и внезапно, безо всяких предисловий, ухватил свою маску рукой, полной перстней, и снял ее, свободно встряхнув волосами. - Я знаю, мне она солгать не сможет. Ты ворожила, дитя мое?

Зал наполнился шумом - то безмолвные Фиолетовые, как по команде, снимали свои маски, следуя примеру своего короля. Миг - и вместо безликих болванов столовая полна живых людей.

«Словно взошло солнце!» - подумала Ивон, восторженная и завороченная, глядя в лицо улыбающегося короля. Он почтительно взял ее руку и легко коснулся губами ее пальцев, запечатлевая на них долгий поцелуй. От этого прикосновения Ивон вздрогнула, а Валиант - его голос она узнала бы из сотен других голосов, - шумно и беспокойно вздохнул, страдая оттого, что король оказывает знаки внимания той, которую сам Валиант считал недостойной.

Король был очень хорош собой. Лик его сиял, и Ивон не могла понять, почему - то ли так удачно падали солнечные лучи, то ли магия изнутри освещала его, и свет этот лился из прекрасных глаз короля.

Глядя в его прозрачные насмешливые зеленые глаза, Ивон поняла, почему Жанна захотела за него замуж. Где уж эта проныра умудрилась увидеть короля без маски - одной магии было известно, но она точно его видела, иначе б эта одержимая идея не родилась в ее безумной голове. Увидела - и тотчас же возжелала, чтоб он принадлежал ей и улыбался только ей одной.

Это был зрелый, сильный, уверенный в себе мужчина, в самом расцвете лет, крупный, высокий, могучий, с грацией свободного существа, не знающего никаких трудностей. Он их просто не замечал. У него было что-то неуловимо-общее с покойным графом Уорвиком; странная уверенность в себе и в том, что весь мир принадлежит ему. Высокомерие, которое было вполне обоснованно. Ивон вспомнила, как иногда отец смотрел вот так же, как король сейчас - словно мог забрать у любого все, что захочет.

И это было так.

Волосы короля, черные и блестящие, были расчесаны и ухожены до самых кончиков. Яркие светлые глаза в оправе черных густых ресниц. Прямой нос с тонкими, изящно вырезанными ноздрями. И рот - с крупными, красиво очерченными твердыми губами, с острыми блестящими зубами.

Две пары клыков, острых, как ножи. Одни - передние, - крупнее, вторая пара - помельче.

В зеленых, прозрачных, как лед, глазах дрожали вертикальные зрачки, то растягивающиеся в идеальный круг, то

становящиеся тонкими, как волосинка. И рокот - король смеялся, и в груди его, словно вторя ему, смеялись демоны. Вот отчего злые языки утверждали, что король не добр. Смех его был зловещ и вселял в людей ужас.

- Ваше Величество не человек, - восторженно прошептала изумленная, замороженная Ивон, разглядывая гармоничные, словно вылепленные вдохновенным скульптором черты, и король кивнул. - Вы дракон, Ваше Величество?! Дракон?!

От слов Ивон невесты за столом забеспокоились. Кому-то стало дурно. Кто-то закрыл лицо в страхе, кто-то уткнулся в свою тарелку, переживая первый шок. Обнаженные плечи, груди прикрывались руками, и это было даже забавно - будто король мог вскочить и тотчас же, за столом, похватать обнаженные части тел зубами и пожрать своих невест.

«Как будто раньше он этого сделать не мог, если б действительно хотел этого!» - подумала Ивон, глядя, как девушки, обмирая от ужаса, съеживаются под насмешливым взглядом короля.

Одной лишь Ивон страшно не было. Вся магия, все волшебное обаяние короля было направлено лишь на нее, и она млела, чувствуя, как легкая безумная влюбленность охватывает ее и заполняет весь разум.

- Да, - мягко подтвердил он. - Ты угадала. Так ты ответишь на мой вопрос? Ты ворожила, дитя мое? Магия тебе подсказала надеть это платье, чтобы порадовать меня?

- Нет, - прошептала Ивон, замороженная взглядом короля.
- Я не посмела бы. Платье мне просто понравилось. Я слышала про бессмертники в детстве...

- Даже не сомневаюсь, - улыбнулся король. - Отец говорил тебе о них?

Его улыбка слепила Ивон. Она понимала, что король - не человек, - использует свою магию, чтобы очаровать ее и успокоить, чтобы перепуганный разум не кричал и не бился в ужасе, потому что - несомненно! - перед Ивон сидел опасный и хищный потомок драконов. Но чувства ее говорили Ивон, что чудеснее и прекраснее существа она не видела.

«И отчего люди его боятся? - удивленная, думала она. - Король, наверное, строг, но не зол...»

А еще Ивон почувствовала, что король магией касается ее, пытаясь рассмотреть правду, и от него не укрывается ни то, что магией от нее пахнет действительно недопустимо сильно, ни то, что она не виновна в этом. Король чуть нахмурился, пытаясь разгадать эту загадку, лицо его потемнело, но он по-прежнему выглядел довольно дружелюбно.

- Не помню, - ответила совершенно очарованная Ивон. - Правда, не помню, кто мне рассказывал древние легенды.

- Охотно верю, - ответил король живо. - Немного вина?

- А можно? - с удивлением спросила Ивон, оглядев стол.
- Я так нечасто пила вино...

Король снова ослепительно улыбнулся, показывая острые опасные зубы. Когда он улыбался, в его лице проскальзывало

что-то жуткое, пугающее, отчего мороз бежал по коже.

- Сегодня вам, дорогая, можно все, - ответил король. - Вы все - мои гости, я - ваш радушный хозяин, который должен вас развлекать и немного даже баловать.

Понемногу и остальные невесты пришли в себя, отошли от испуга. Заглядывая украдкой в лицо короля, они попивали предложенное вино и румянец понемногу возвращался на их побледневшие щеки.

«Как странно меняется жизнь, - подумала Ивон, немного захмелевшая после первого же глотка вина, - раньше девушек спасали от драконов, или же приносили им в жертву, чтобы задобрить. А теперь это считается великой честью - прийти и отдать себя самостоятельно».

Король с лукавой улыбкой наблюдал за девушками; их испуг от него не укрылся, но и то, что они, несмотря на свой страх, все равно вернулись к прежнему желанию понравиться ему, тоже. Немного свыкнувшись с мыслью, что король - потомок драконов, они сновка заулыбались ему, пытаясь привлечь внимание. И король отвечал им благостными улыбками, довольный и их легким кокетством, и тем, как настроенность в их глазах сменяется наивным и невинным восхищением.

Девушки все были юные и неискушенные, и грозный потомок драконов просто не мог им не понравиться своей необычной загадочностью и веющей от него мрачной магической силой.

Фиолетовый Страж - Валиант, - прислуживал лично Ивон. Он положил на ее колени белоснежную салфетку, он подавал ей блюда, и второй бокал вина налил ей тоже он. Его лицо, лишенное маски, было хмуро и непроницаемо, об словно надел другую, лживо-спокойную маску.

Ивон, косясь на него, то и дело оборачивалась к королю, вопросы вертелись у нее на языке, но задать их она не осмеливалась. Однако, тот заметил ее любопытство. В его зеленых глазах вспыхнул лукавый огонек - кажется, король очень любил смеяться, - и он склонился к Ивон, которая сидела к нему очень близко.

- Вас что-то беспокоит, дитя мое, - заметил он. Не спросил - именно утвердительно произнес.

- Ваш слуга, Валиант, - тотчас ответила Ивон, словно кто-то за язык ее тянул. - Он искренне ненавидит меня.

- Ага, - многозначительно произнес король.

- О нет, не подумайте, Ваше Величество! Я не жалуясь на него, - зашепила с пояснениями Ивон. - Он не сделал мне ничего плохого... но дал много пищи для размышлений.

Король с лукавым прищуром посмотрел на девушку, раздумывая о чем-то.

- Вы хотите знать причину его неприязни? - переспросил он.

- Да, - просто ответили Ивон.

Король хищно, ужасно улыбнулся, так опасно и страшно,

что одна из невест поперхнулась и громко закашлялась, и король, не глядя даже в ее сторону, небрежно махнул рукой, словно ребром ладони мусор со стола сметая, призывая вывести оплошавшую из зала.

Его завораживающие глаза смотрели только в глаза Ивон, и это было ужасное, тяжелое и холодное внимание.

- Хорошо, - сухо и опасно произнёс он. Его холодность никак не вязалась с его ослепительными обаятельными улыбками. - Откровенность на откровенность. Я раскрываю вам причину ненависть Валианта, а вы мне - причину, по которой от вас так сильно пахнет магией. Вы же не рассчитывали обмануть меня, м-м-м? Не думали, что вам это удастся?

Глава 4. Старые тайны

- Ваш отец... он предал и обманул всех нас, милое дитя мое. Он опорочил всех тех людей, что служат мне и носят фиолетовые одежды. Он показал всему свету, что и среди моих приближенных слуг бывают подлецы, мерзавцы и преступники. Такого коварства, такого высокомерия и вообразить-то себе трудно было, особенно от того, кто тебе бесконечно дорог. А он был мне дорог.

Для разговора король выбрал оранжерею. Во-первых, она была совсем недалеко от столовой, а во-вторых, там можно было уединиться. Король счел, что этот разговор не для посторонних ушей. Девицы, которых он оставил ради беседы с Ивон, выглядели так, словно каждая хлебнула из своего кубка уксуса. Они были очень недовольны, что эта нахальная девица уже второй раз подряд отнимает у них внимание короля. Но что они могли поделать?..

- И в чем же заключалось его предательство? - поинтересовалась Ивон.

Король помолчал немного.

- Как он закончил? - спросил он внезапно. Он не сказал «умер», и эта осторожность показалась Ивон странной. Король словно не верил своему счастью - или боялся, что его обвинят в смерти старого графа.

«Странные какие мысли! - про себя ругнулась Ивон. - Что

только в голову не придет!»

- Его убили в пьяной драке, - тихо ответила она, и король внезапно расхохотался, но смех его был невеселым и горьким.

- Великий граф Уорвик! - воскликнул король. - Могучий королевский вассал! Я знал, я знал, что жизнь в изгнании станет для него большим наказанием, чем смерть. Что смерть? Краткий миг боли, а затем объятия магии и покоя. Вот жизнь отверженного, полная воспоминаний того, чего ты лишен... Я прошу меня простить, я задам еще один бестактный вопрос, который, вероятно, ранит вас: ваша мать - она же простая женщина?..

Ивон вспыхнула до корней волос, и король поспешил объясниться:

- Нет, не сочтите за оскорбление. Ваша не благородная кровь нисколько вас не портит. Напротив - с нею в ваше тело словно влито побольше здоровья, крепости и красоты. Вы прекрасны и прелестны; но ваш герб... Он остался таким, каким я даровал его вашему отцу. От вашей матери там не прибавилось ни символа. Значит...

- Вы правы, - ответила Ивон, дерзко перебив объяснения короля. - Так и есть.

Король кивнул.

- А в те времена Уорвик даже не посмотрел бы на простолюдинку, - задумчиво произнес он. - Он был слишком гордым для этого.

- Намного более гордым, чем король? - удивленно произнесла Ивон, намекая на то, что король-то как раз не особенно интересовался происхождением своих потенциальных невест.

- Получается, что так. И у него были на то все основания, - король снова мельком глянул на Ивон. - Вы же знаете, что драконов в мире не один и не два?

Ивон вскинула на короля удивленный взгляд.

- Да, - небрежно продолжил король, неспешно вышагивая по расчищенным песчаным дорожкам. - Много семей, много наследников... В свое время граф Уорвик помог мне взойти на трон. Я дорожил им, я доверял ему и думал, что его служба, его верность мне безграничны. Так же, как и Валиант сейчас, он носил фиолетовые одежды. И Фиолетовые стражи тогда не носили масок...

Король задумчиво замолк, словно размышляя, как бы половчее преподнести Ивон правду о ее отце, и не находил мягких слов.

- Я тогда был намного моложе, намного беспечнее, - продолжил, наконец, король. - Был организован точно такой же отбор, как сейчас...

- Вы были женаты, Ваше Величество?! - воскликнула изумленная Ивон.

- Нет, - мягко ответил король. - Не был. Но все шло к этому. Я выбрал девушку, довольно скоро, особо не придумывая конкурсанткам трудностей. Охранять ее, передавать ве-

сти ее родным, переправлять дорогие подарки - все это было доверено Фиолетовым стражам. В том числе и твоему отцу. И сначала дело шло неплохо - гости из числа родственников невесты благополучно добирались до дома, письма благополучно находили адресатов, и подарки не терялись в пути. Эта идиллия царила ровно до тех пор, пока я не послал своей невесте обручальное кольцо.

- И что же было потом?

- Это было не совсем обычное кольцо, - туманно ответил король. - Драконье красное золото с огромным черным бриллиантом. Прекрасное украшение; великолепный камень, и много-много магии. В каждой его грани силы и власти было больше, чем у иного маркиза. Я хотел честно разделить мою силу с избранницей... И, вероятно, эта магическая мощь и соблазнила графа. Да только он начал оказывать знаки внимания королевской невесте.

- Какая дерзость! - ахнула Ивон. В памяти ее встал образ отца, такой, каковым она его запомнила. Черноволосый худощавый человек с резкими чертами лица, грубый и вечно злой. В последние годы своей жизни он был неряшлив и вечно пьян, походил на голодного, грязного бездомного. - Такое низкое падение после блестящей жизни!

Король лишь молча кивнул.

- Да, - глухо произнес он. - Кольцо красовалось на пальце невесты, граф рассыпался в любезностях. И поначалу он даже имел... некий отклик. Он умел быть обходительным, а

неискушённым девушкам льстит внимание мужчин, особенно если те из себя что-то представляют, а не просто являются с улицы. Но время шло; королевская невеста оставалась верна королю, а терпение у графа кончалось. Он стал настойчив, слишком назойлив, и его общество становилось девушке неприятно. А граф был не из тех людей, что отступают, не добившись своего. Он решил, что девица должна быть его...

- И?..

- Он обесчестил ее, - ответил король. - Присвоил себе благородную девушку, взял ее, словно она была неумытая крестьянка из его деревни. Это вам может быть лестно подобное внимание короля, вы даже можете им гордиться, - усмехнулся король. - Потому что я - выше вас по положению, и моему нескромному вниманию будет рада абсолютно любая женщина. Так что я даже не могу вам отомстить симметрично, - он засмеялся совершенно неуместно, словно скрывая своим смехом что-то иное, беспокоящее и душашее его. - А в случае с вашим отцом королевская невеста, конечно, была выше него по положению.

- Ах! - в груди Ивон остановилось дыхание, стыд и ужас болезненно пронзили все ее тело морозными острыми иглами. - Этого не может быть! Какая грязь! Какой позор!..

- Вам стыдиться совершенно нечего, - заметил король. - Вы в этой истории виноваты меньше, чем вот тот мотылек на цветке.

- Вы слишком добры ко мне, Ваше Величество, - прошеп-

тала подавленная Ивон, давясь набежавшими слезами. - После такого принимать в своем доме дочь мерзавца...

- В моем положении нужно уметь отделять одного человека от другого, - ответил король.

Ивон молчала. Не каждый день узнаешь о своей семье такие вещи! Отец опустившийся пьяница и буян - это одно, а грязный насильник и жадный, подлый завистник - это совсем другое!

- И вот, - продолжил меж тем король, а у Ивон тоскливо заныло сердце оттого, что эта страшная история имеет продолжение, - он оспорил у меня эту женщину. Он тщеславно заявил, что она принадлежит ему, и все, что есть у нее - все его. Он потребовал себе свободу от моей власти; он слагал с себя полномочия Фиолетового Стража и возвращал все то, что я дал ему за долгие годы службы - в обмен на девушку и то самое кольцо, что теперь принадлежало ей.

- Но?..

- Но девушка была не просто невинной душой, ожидающей того, как ее судьбой распорядятся сильные мира сего, - ответил король. - Это была гордая, сильная женщина.

- Была?..

- Она покончила с собой, - кратко ответил король. - Предпочла смерть позору и насилию. Графа она увидела во всей его красе, и увиденное не понравилось ей настолько, что жить она с этим не смогла бы. Она скинулась с башни; и кольцо пропало вместе с ней, хотя граф, конечно, искал его

и горевал по его утрате больше, чем по девушке.

- Невероятно! - прошептала Ивон, прижимая ладони к пылающим щекам. - Немыслимо, невероятно!

- Я шокировал вас, - подытожил король. - Что ж, тема действительно тяжелая.

- Но почему тогда, - воскликнула Ивон, пылая от стыда, - почему вы помиловали его?! Почему не убили, почему?!..

- Видите ли, дитя мое, - мягко ответил король. - Ваш отец был умен, расчетлив и тщеславен. Он шел к своей цели очень последовательно. Он укреплял свои позиции. Он поначалу служил мне так истово и одержимо, что я доверял ему бесконечно. Как своей собственной руке. Странно ведь думать, что твоя собственная рука вцепится в твое горло, не так ли? Он хорошо подготовился... Поэтому у вашего отца была охранная грамота, королевское благословение и всепрощение. Однажды он совершил ошибку, досадную - и, думаю довольно продумано и хладнокровно он это сделал, - и я выдал ему это прощение. А королевская защита - это не просто слова. Это непробиваемый купол. Это несокрушимая скала. Словом, я не мог бы убить его. Но отнять у него все, чем он владел - мог. И выкинуть прочь - тоже. Я так и поступил. И долго он в этом позоре не прожил.

Ивон была потрясена; ей сделалось дурно настолько, что король усадил ее на скамью и она судорожно перевела дух, обмахиваясь каким-то листом, сорванным по дороге.

- Ну а Валиант, - глухо проговорила она. - Отчего именно

он чувствует себя самым обиженным, отчего именно он меня так ненавидит?

- А! - ответил король. - Так та девушка из этой некрасивой старой истории - это была его сестра. Такого мерзкого поступка по отношению к своей семье от бывшего друга Валиант не ожидал. Рана его глубока и все еще болит. Поэтому он к вам пристрастен.

- Вы очень добры, Ваше Величество, - глухо произнесла Ивон. - После того, что он сделал... Я не знаю, как вы смотрите на меня без содрогания.

Король лишь устало прикрыл глаза:

- Я же сказал, - напомнил он. - Вы невинны, как мотылек. Хотя, признаться, я был очень удивлен, увидев вас... почувствовав вашу кровь и силу... Скажите откровенно, зачем вы пришли?

Голос короля был излишне резок, даже груб, но Ивон помнила о договоре.

Откровенность за откровенность...

- Это было желание моих родных, - ответила она. - Матери и сестры...

Король усмехнулся.

- Расчет, - произнес он. - Самая верная из всех мотиваций... Вы сказали - желание сестры? Она что, совсем некрасива? Иначе, вероятно, пришла бы сама?

В голосе короля послышался едкий смех, и Ивон мучительно покраснела. В воображении ее живо, как наяву,

встала Жанна в нелепом свадебном платье, ухмыляющаяся, уткнувшая руки в бока.

Такую невесту привередливый король выставил бы из замка тотчас же. Ивон стало ужасно стыдно за Жанну, за ее нелепое поведение, за бесконечную хитрую глупость, последствия которой приходится разгребать ей, Ивон.

«Если такая королева появится во дворце, - мрачно подумала Ивон, - мне тут не будет места. На меня ведь все пальцами показывать будут! Смеяться - родственница *такой* королевы!»

- Нет, - смущенно ответила Ивон. - Она просто слишком молода, моложе меня, и...

- Однако, вами командует - проницательно заметил король. - А это не очень хорошо.

- Почему? - удивилась Ивон. - Если на благо семьи...

- Нет никакого блага семьи, - рыкнул король нечеловеческим, глубоким и хищным голосом, сверкнув глазами, - если речь идет о короле. Вы должны служить прежде всего мне, я должен знать, что вы незыблемы и тверды, надежны, как сама земля, по которой я ступаю. А вами вертят престарелая мать и младшая сопливая сестра. Вы понимаете, что это недопустимая, непростительная слабость?

Ивон смолчала, потупив взор.

«А ведь он прав, - подумала она. - И с такими исходными данными я, скорее всего, этот отбор проиграю. Уже проиграла - я не понимаю, почему он до сих пор меня не выгнал.

А это означает, что мать и Жанна припомнят мне каждый солнечный беззаботный денек, проведенный в их доме...»

- Ну, - произнес король, - свою часть уговора я выполнил. Теперь дело за вами. И прошу меня понять правильно; я не мелочный злодей, который любит жестоко карать мелкие, незначимые промахи. Даже ослушания, если на то пошло. Но я был перед вами честен и откровенен; я упоминал кольцо и черный бриллиант. Так вот они пропали. И никаких следов магии; ни единой зацепки. А мне очень хотелось бы знать, какой это умелец смог утащить его у меня из-под носа, да еще так искусно, что ни один придворный маг не смог понюхать и тени того портала, через который переправили такой сильнейший артефакт. Такие вещи всегда оставляют след, всегда. А этот камень исчез без следа. Ваш отец, - король усмехнулся, - им не обладал. Будь у него хоть половина шанса, он воспользовался бы этим артефактом. Итак. Бриллиант пропал бесследно, и я не знаю ни единого мага, который мог бы провернуть это дело незаметно. Но вот являетесь вы, - король снова усмехнулся, - словно призрак прошлого, словно перст судьбы, и для меня это полная неожиданность. Валиант утверждает, что вы ворожили вопреки моему запрету - а ведь вы не похожи на глупую девочку, которая убеждена, что ей все сойдет с рук. Так что же произошло в вашей комнате?

- Это сестра призвала меня, - судорожно всхлипнула Ивон, понимая, что не может солгать королю. Его магическое обаяние убаюкивало ее страх, речь лилась свободно.

- Призвала? - изумился король. - То есть, вы говорите *о магическом призыве*? Неожиданно. Очень, очень редкий талант. Мне говорили, что им владеют только самые одаренные и самые великие некроманты. Ваша сестра - ученый некромант? И что, делает успехи в обучении?!

- Вовсе нет, - покраснев, ответила Ивон. - Она наоборот... не очень прилежна в науках. Мне даже странно, что она это умеет. Вероятно, это талант? Дар? Ведь у каждого свои возможности. Я не знала тоже, но оказывается, она умеет... владеет сильным призывом. Она не знала, что мне нельзя применять магию. Она просто хотела узнать, красив ли ее король...

Ивон не знала, почему тут же не рассказала королю о плане Жанны. Вероятно, какая-то часть ее разума говорила ей, что это будет поистине самоубийственно, или некая родственная привязанность не позволила просто так отдать Жанну королю на растерзание. Но, так или иначе, а Ивон смолчала.

«Если я скажу, что Жанна готовила подлог, он просто сожрет меня, - думала Ивон. Сердце ее бешено колотилось. - Он сожжет наш дом, подвесит за ноги над порогом и меня, и всю семью вообще...»

- Как бы то ни было, - недовольно заметил король, - вашей сестре не стоило так поступать. Любопытство любопытством, но вы - моя гостья. Моя. Все ваше внимание должно быть приковано ко мне; все, что происходит во дворце, мо-

жет быть тайной, которую ей знать не стоит. Она всегда полагает, что ей можно чуточку больше, чем всем остальным?

Ивон склонила голову.

- Да, Ваше Величество, - тихо ответила она. - Но вы же простите ее? Она совсем еще юна, ей только исполнилось восемнадцать, и она так хотела знать, красивы ли вы.

- И что же вы ответили, - промурлыкал король. Внезапно Ивон обнаружила, что он держит ее в руках, словно лилию на длинном хрупком стебле - бережно, обеими руками, чуть отстранив от себя, чтобы видеть ее всю - ее взволнованное лицо, вздымающуюся от учащенного дыхания грудь, ее руки, беспомощно цепляющиеся за его одежду. - Что вы ответили на ее вопрос?

- Я сказала, - пискнула Ивон, - что не знаю... что не видела вас в лицо...

- А что вы ответили бы сейчас?

Лицо короля оказалось близко, Ивон увидела, как трепещут его ноздри, как дрожат зрачки, готовясь из тонкой вертикальной нити превратиться в идеальный черный круг. Плотный роскошный королевский плащ, расшитый золотом, накрыл ее, и она почувствовала себя в коконе, будто бы образованном драконьими крыльями.

От короля действительно шел свет; в маленьком пространстве, в которое он заключил их обоих, было светло, как под позолоченным колпаком ночника. Рука короля, чуть ка-

саясь кожи Ивон, обвела контур ее лица, солнечным сиянием коснулась волос, на миг превратив их темное гладкое полотно в сияющую раскаленную медь. Король осторожно приподнял ее подбородок, его большой палец осторожно повторил контур ее губ, и это была такая неожиданно интимная, откровенная и горячая ласка, что Ивон дрогнула, чувствуя, как нежное касание тревожит тонкую кожу, как томно и страстно нажимает сильнее, раскрывая ее губы, как бутон цветка.

Король не торопил событий; он изучал каждую черточку лица девушки так внимательно, будто перед ним был предмет искусства, так, словно хотел запомнить каждую волосинку, нежный персиковый пушок на щеках, делающий кожу бархатистой и сияющей.

У Ивон вдруг закружилась голова; непреодолимое влечение рвануло ее вперед, к королю, и она поняла, что жертвы, отданные древним драконам на растерзание, перед смертью ощущали невероятное блаженство, потому что сами желали всей душой, чтобы дракон разорвал их своими когтями и коснулся сердца, забирая его себе в дар.

Девушке стало невероятно жарко от прилившей к ее лицу крови, она чувствовала, как горят губы, жаждущие, требующие поцелуя. Она закрыла глаза и с отчаянием обреченного прильнула к королю, и тот поцеловал ее - долго, неторопливо и нежно.

В поцелуе его сплелись воедино и хмельная сладость, и

болезненная горечь. Ивон не умела целоваться; это был первый поцелуй в ее жизни, и он оказался невероятно прекрасен, сексуален и страстен. Мягкая интимная ласка поразила ее, разожгла огонь в ее крови. Язык короля погружался в ее рот, лаская. И Ивон стонала и всхлипывала, чувствуя, как блаженство разливается по всему ее телу.

Рука короля очень умело и осторожно отстегнула застежку на ее платье, высвободила круглое плечо из темной ткани, и король острыми драконьими зубами чуть накусил белую кожу, жадно, страстно, словно спелое яблоко, помечая девушку своим знаком.

Ивон испуганно ахнула, но он тотчас же затер легкую боль поцелуями, погружая девушку в водоворот чувственного наслаждения, а пальцы его легли на грудь девушки, виднеющуюся сквозь расстегнутый ворот.

Король жадно и властно запустил свою руку туда, под платье, к горячему телу, и сжал маленькую грудь Ивон, наслаждаясь податливостью ее тела. Девушка затрепетала в его руках от смешанного чувства стыда и удовольствия, и чуткие пальцы короля обвели приятную округлость ее тела, цепляя острый жесткий сосок, нарочно тревожа его, делая так, что девушка заходилась в столах, не в силах выкрикнуть свое смущенное возбуждение.

Ласки короля становились все откровеннее, его язык погружался в рот Ивон, лаская ее мягкий язык, он брал ее в рот настойчиво, властно, чрезвычайно эротично и чувстви-

тельно. Это была откровенная первая ласка от мужчины, что Ивон испытывала, и все, что с нею происходило, казалось ей невероятно развратным, небывалым настолько, что разум ее воспламенялся. Она пыталась оттолкнуть руку мужчины, ласкающую ее грудь, но король тотчас наказал ее за это желание.

Остро отточенные когти впились в нежное тело, накалявая мякоть груди так, что Ивон глухо вскрикнула, а коготь большого пальца вкрадчиво и осторожно, перемешивая боль и удовольствие, погладил острый сосок так, что у Ивон стало жарко и влажно между ног. Жаркий запах ее возбуждения струился медовым ароматом от ее кожи.

Она стиснула колени, поскуливая, но король был безжалостен. Он водил и водил своим острым когтем, рисуя на темной ореоле круги и остро покалывая сосок, и Ивон в его руках вскрикивала и извивалась. Она не понимала, что с нею творится; она готова была подставить свою грудь и терпеть сладкое мучение вечно, и вместе с тем она сгорала от стыда за собственное бесстыдство и за дерзость короля.

Но вместе с восторгом и блаженством она вдруг ощутила странный болезненный укол в самую душу. Словно коварный стилет в ее рукаве проскользнул между оборок и кружев и кольнул ее в самое сердце.

- Нет, нет! - вскрикнула она, выныривая из золотого света, из чарующего, страстного безумия, отрываясь от сладких губ короля, дарящих ей сладкую погибель, и спешно приводя в

порядок свою одежду. - Не нужно этого! Нет!

Промелькнула мысль, что он разгневается. Что ударом сшибет ее с ног, повалит на пол. Но, раскрыв испуганные глаза, Ивон обнаружила, что он смеется, чуть слышно и совсем не зло.

- О-о, дитя мое, - протянул он, - да вы совсем новичок в любовных делах... Отчего нет? Что вас напугало?

Ивон прижала ладонь к пылающим губам, все еще помнящим вкус губ короля, мягкие ласки и прикосновения его языка.

- Это не нужно, Ваше Величество! - выпалила она. - Это нечестно!

- В чем же нечестность? - хитро спросил король. - Вы нравитесь мне. Действительно нравитесь; в вас есть что-то интересное и необычное. Странная смесь доверчивости, чистоты, надломленности и силы. Это влечет.

- Вы не сделали выбор, - неожиданно для самой себя твердо ответила Ивон. - Вы всего лишь пользуетесь... моментом и своей властью. Вам любопытно, вы развлекаетесь. Конечно, если вы... если вы возьмете меня... все скажут, что это для меня великая честь. Но вы не утвердились в своем выборе. Вы просто попробуете меня - но сделаете своею всецело. Для вас это будет всего лишь ночь наслаждения, а для меня - событие, изменившее всю мою жизнь. И кто знает, в хорошую ли сторону.

- А вот и характер, - посмеиваясь, произнес король. - В

самый неожиданный момент. Так значит, нет?

- Нет, - пряча глаза и вся дрожа, твердо повторила Ивон, хотя ноги ее подгибались от страха.

«Что я натворила! - билось в ее висках. - Отказала королю! Потеряла единственный шанс!.. Впрочем, для кого он? Для Жанны? Нет, нет! Не бывать этому! Черта с два я произнесу ее имя, как имя потенциальной королевской невесты! Девица Уорвик - и достаточно! А раз замужество с королем мне не грозит, я постараюсь устроить свою судьбу иначе, чтобы не возвращаться в дом матери!»

- Вы нравитесь мне все больше, - с юмором ответил король. - Не так часто услышишь отказ от девицы, которая, по идее, очень должна хотеть за меня замуж!

- Я же призналась вам, - сухо ответила Ивон, пряча взгляд, - что это не моя идея, а моей семьи. Я не желала себе этого. Это не мой выбор. И не моя цель.

От страха Ивон не понимала, что несет. Дерзить королю?! Да он убьет ее!

Но король не рассердился; напротив - он раскатисто расхохотался чуть не до слез.

- Черт, - выругался он, отирая глаза. - Вы это говорите мне? Не верю своим ушам! После того, как король явил вам свою милость, показал лицо и подарил поцелуй - вы все еще не хотите за него замуж?

- Этого недостаточно, - яростно, словно защищаясь в дра-

ке, ответила Ивон.

- Недостаточно? - повторил король вкрадчиво. - А чего будет достаточно?

- На этот вопрос вам не ответит ни один мудрец, - ответила смутившаяся Ивон.

Король улыбнулся. Казалось, он готов был продолжать препирательства бесконечно, но были дела поважнее.

- Хорошо, - ответил он. - Не будем сейчас обсуждать эту тему. Пожалуй, мы слишком задержались здесь. Вам пора вернуться за стол - повара так старались, обидно будет, если никто не насладится его искусством.

Он сделал небрежный жест рукой, позволяя Ивон уйти прочь - так просто, словно ничего между ними и не было. На лице его запечатлелось задумчивое выражение.

Ивон вспыхнула; то, как король мгновенно переменялся, показало ей, что она была права - он просто игрался, не имея ни единого серьезного намерения по отношению к ней. Фиолетовые, выступившие из-за стены зелени и буквально взявшие ее под стражу - хоть и почтительно, но как-то зловеще, - тоже были тому подтверждением.

Ивон спешно, почти бегом, пошла в указанном направлении, а король в задумчивости уселся на скамью, вертя в пальцах лист, которым до того обмахивалась Ивон.

Из тени неслышно выступил Валиант, но король, казалось, почувствовал его присутствие. Он не шевельнулся, только глаза его покосились на согнувшегося в почтительном

поклоне слугу.

- Прикажете удалить ее, Ваше Величество? Она опасна, я не верю ей. Она здесь не просто так! С большим удовольствием я бы отрубил ей голову, чтобы лишить эту змею возможность кусаться.

В голосе Валианта слышалась лютая ревность. Он, несомненно, видел, как король ласкал девушку, вместо того, чтобы причинять ей боль и силой вытряхивать из нее признания.

- Нет, - жестко и холодно ответил король. Голос его, лишенный обаятельной теплоты, звучал страшно, как скрежет металла о точило. Перед Валиантом ему не нужно было притворяться обаятельным улыбчивым добряком, и он отбросил эту маску тотчас же, как ушла Ивон. - Девушка... она кажется мне всего лишь покорным орудием в руках ее родни. Слишком наивна и слишком слаба. Всего лишь хорошенькая мордашка. Но вот ее семейство... Там какая-то мать имеется. Что, если Уорвик на ней женился неспроста? Что это за женщина? Может, хороший маг. Младшая дочь с редким даром... поневоле подумаешь, что все это не совпадение.

Король сощурил холодные зеленые глаза, чуть подумал.

- Я хочу, - внезапно резко произнес он, подав Валианту красивую сережку, которую, ласкаясь, ранее вынул из ушка Ивон, - чтобы ты наведалься туда и уничтожил их всех.

- А если кто-то из них владеет камнем? Не будет ли необдуманно рубить все концы?

- Тогда тебе просто так с ними не справиться, - ответил король. - Владелец уж точно сможет ускользнуть. И мы будем ловить именно его...

- А эта невеста? - не унимался Валиант. - Ваше Величество, зачем она вам? Не понимаю вашего упорства. Ее надо убрать от вас и допросить с пристрастием!

- Какой ты кровожадный! - усмехнулся король и рассмеялся низким рокочущим драконьи хохотом. - Нет, не трогай девчонку. Она мне нравится. И отбор все еще идет, - он насмешливо глянул на Валианта, который, казалось, готов был сейчас же взорваться. - Вдруг я выберу ее? О, сколько чувств! Сколько эмоций из-за какой-то крохотной девчонки! Не нужно быть таким мстительным; впрочем... я же разрешил тебе утолить свою злость с ее родными? Вперед! Пощупай, посмотри, что они за люди. И сестрицу ее, - голос короля опасно и жутко хрипнул, - поучи напоследок, что перечить воле короля не следует. Прежде, чем она умрет, я хочу, чтобы эта талантливая некромантка зарубила себе на носу, что ей не стоит восставать из могилы, если она даже это может делать. Тот, кто не уважает волю короля, должен дорого платить за свою дерзость.

Валиант молча поклонился, скрывая расцветающие на щеках пунцовые пятна гнева, а король снова прищурил свои ледяные недобрые глаза и лишь усмехнулся.

Глава 5. Новые тайны

Вечером, когда на небе зажглись первые звезды, все семейство собралось у матушки в жарко натопленной комнате, погреться у камина и обсудить дела насущные.

Матушка Зинан, раскачиваясь в кресле-качалке, тихонько звякала спицами, вывязывая носки на толстые пятки любимых чад. Вязать она умела не ахти, петли выходили у нее неровные и рыхлые, но материнская любовь ведь греет больше носков, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.